

Отъ автора: *Ввиду того, что записи князя Петра сдѣланы въ традиціонной русской орфографіи, авторъ нашёлъ сугубое удовольствіе въ томъ, чтобы привести весь текстъ къ нормамъ исконнаго русскаго правописанія*

Вѣнокъ неудачнику

Книга первая

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

По ощущеніямъ патріотовъ, должна была вотъ-вотъ уже кончиться полоса Ельцина съ Гайдаромъ, но страна по-прежнему кишела американскими совѣтниками и преподавателями; бывшая проститутка, теперь *путана*, становилась пѣсеннымъ образомъ для молодёжи, а про непойманнаго *киллера* газеты и телеведущіе писали и говорили съ восхищеніемъ и придыханіемъ. Полномочные представители Міровой Лабораторіи обновляли сценаріи экономическихъ кризисовъ, а кабинеты министровъ ихъ осуществляли.

Воспитанники прошлаго не хотѣли мириться съ потерей государства и съ утратой самоуваженія – среди нихъ, естественно, находился и Салабинъ. Благодаря интернету, электронной почтѣ и адреснымъ разсылкамъ онъ обзавѣлся заочными связями по всѣй Руси великой, включая и ея отпавшіе осколки, ежедневный обмѣнъ новостями только распаллялъ гнѣвъ и ярость пасынковъ недогосударства. Связи множились, а съ ними множились и мнѣнія – споры о способахъ, какъ исправить, вылѣчить и вернуть Отечеству государство.

Вызывающе вели себя побѣдители, называясь элитой. Ихъ было меньшинство, но это меньшинство стало скоро *подавляющимъ*. Эти люди всегда мечтали (и мечтаютъ!) жить *въ другой странѣ*,

непохожей на страну их пребывания, и усердно работали и работают, преобразуя всякую страну *въ другую страну*, а народъ, среди котораго живутъ, – въ другой народъ.

Жизнь побѣдителей сосредоточивалась въ городахъ, но они по мѣрѣ силъ сокращали число жителей деревень и сѣль – какъ менѣе всего поддающихся перевоспитанію. Телевидѣніе простирало къ сельчанамъ свои щупальца-руки, но захватывало только убывающихъ числомъ пенсионеровъ и дачниковъ; занятое же населеніе къ телевизору обращалось мало. Находились даже вольнодумцы, предпочитавшіе книгу: въ городахъ они становились бѣлыми воронами, но въ обитаемой деревнѣ обязательно находился свой книгочей.

Когда Ельцинъ прикончилъ генерала Рохлина, пошло на убыль и Движеніе въ поддержку Арміи и Флота, а возникшій было «Союз офицеровъ» превратился въ собраніе отставниковъ; «Вѣрное казачество» Новороссіи – подъ украинской властью – пока ещё свободно проводило крестные ходы и мѣлкія ученія къ памятнымъ датамъ; «Союзъ казаковъ Россіи» гордиться могъ лишь развѣ что однимъ-двумя сильными публицистами и однимъ кандидатомъ въ Госдуму, но вскорѣ одного изъ публицистовъ, полковника Владиміра Наумова, убили въ Подмосковьѣ; а въ церковныхъ приходсахъ отсутствовала приходская жизнь... Главное, что требы совершались!

Зато въ сѣтевыхъ ресурсахъ кипѣла умственная работа и многія традиціонныя изданія, ввиду дороговизны бумаги, переносили тяжесть работы на электронную версію.

По волѣ гайдари-чубайситовъ былъ распроданъ Тихоокеанскій флотъ. Продажа должна была сойти по цѣнѣ чѣрнаго металлолома, съ полной передачей секретовъ, драгоценныхъ металловъ и техдокументаціи... Помѣшала только добросовѣстность простыхъ таможенниковъ порта Ванино: прокуратурѣ пришлось отреагировать – и цѣнное оборудованіе сняли, но что с нимъ было дальше, журналистамъ, народу и даже морякамъ – невѣдомо...

Командующій флотомъ поплатился за рыло въ пуху: за квартирныя махинаціи тихо подъ судъ угодилъ... но сумѣлъ откупиться. Не всякій адмиралъ остаётся офицеромъ, и не всякій генералъ – защитникъ Отечества. А стоимость ельцинскаго «лучшаго министра обороны» равнялась заграничному автомобилю.

Сильнѣйшіе умы экономики придумали залоговые аукціоны и соглашения (съ инвесторами) о раздѣлѣ продукціи. Кризисы стали регулярнымъ явленіемъ: 1998, 2000, ... «Кошелёкъ Семьи Ельциныхъ», по фамиліи Абрамовичъ, возглавилъ Чукотку, чтобы, по слухамъ изъ газетъ, построить тоннель до родимой Аляски. И тамъ же, въ чукотскомъ Анадырѣ, объявился епископъ Діомидъ – и возвысилъ голосъ, и объявилъ, что «страна истосковалась по отечественному правительству». Сказавъ А, онъ долженъ былъ сказать и Б: владыка объявилъ московскую епархію «вдовствующей», такимъ образомъ смѣщая патріарха, покорнаго гайдарианамъ, но вскорѣ былъ самъ смѣщёнъ синодальнымъ десантомъ изъ первопрестольной. Тѣмъ не менѣе, разжалованный епископъ снискалъ въ народѣ, помимо насмѣшекъ журналистовъ (которымъ такъ по должности положено), благодарную память отъ Кронштадта до Камчатки.

Излишнѣ говорить о томъ, что Салабинъ былъ всѣцѣло на сторонѣ епископа-изгнанника. Тѣмъ паче, что неподкупная газета «Русь Православная» постоянно печатала статьи и воззванія владыки Діомида – вплоть до момента, когда газету остановили арестомъ издателя.

Сообщеній о незаконныхъ «приватизаціи» не убывало. А исполнители «приватизаціи» оставались невозмутимы. Они-то знали, что масса занята вопросомъ выживанія и даже не вспоминаетъ, кому она сбывла за безцѣнокъ свои *ваучеры**. Масса не способна *одновременно вся* о чѣмъ бы то ни было вспомнить – для этого нуженъ могучій дирижёръ.

Подавляющее меньшинство зорко слѣдило, чтобы такой дирижёръ нигдѣ не проросъ и нигдѣ не проклюнулся. Подавляемымъ простакамъ оставалось мало времени даже для проклятій – развѣ что при отходѣ ко сну. Это всегда короче молитвы.

А сонъ тогда тяжекъ и неровень, какъ дорога по ухабамъ на жѣсткой телѣгѣ.

Забѣгая вперёдъ, стоитъ замѣтить, что въ публицистической работѣ у Салабина появились псевдонимы – и должны были появиться... Одинъ изъ нихъ возникъ изъ воспоминаній о душистомъ, какъ сѣно съ клеверомъ, деревенскомъ дѣтствѣ. Когда его привозили къ бабушкѣ и оставляли его тамъ, то женщины сообщали другъ другу: вотъ, моль, внукъ Сальветинъ. Такъ переименовывалъ мѣстный выговоръ имя бабушки Елизаветы. Учасъ на филолога, Геннадій вспомнилъ объ этомъ, когда узналъ,

что *salve* – это латинское приветствие. Потомъ случайно узналъ, какъ по-нѣмецки шалфей: *salbei*. Такъ и возникли псевдонимы Сальветинъ и Сальбъ. А статьи въ защиту русскаго языка и рѣчевой культуры онъ подписывалъ какъ Геннадій Филологъ...

Въ обширной перепискѣ, которую вѣлъ Салабинъ, у него сложились наилучшія заочныя отношенія съ Александромъ Степановичемъ въ Иркутскѣ (фамилію называть ни къ чему, человекъ, дай Богъ ему здоровья, ещё здравствуетъ, съ Михаиломъ Викторовичемъ въ Москвѣ, и съ покойнымъ ветераномъ, капитаномъ перваго ранга Юріемъ Яковлевичемъ Слобожаниновымъ изъ Вилючинска. Капитанъ-подводникъ горячѣ всѣхъ поддерживалъ Салабина въ его убѣжденіи, что политическія партіи – это гибельный тупикъ; что спасительный путь Россіи – въ соединеніи народныхъ силъ въ Земскомъ Соборѣ – надпартійномъ, всесловномъ, всероссійскомъ...

* * *

«А вѣдь Иринѣ пришлось пересекать “украинскую границу”!» – неожиданная мысль посѣтила Салабина... Спыхватился, значить.

Разъ ужъ такая мысль посѣтила и застала его врасплохъ – то хочешь не хочешь, а погрузишься въ воспоминанія. Вспомнишь не о Крымѣ (тамъ бывать Салабину не пришлось), а о простомъ, такъ сказать, пересеченіи упомянутой «границы».

Будучи искусственнымъ твореніемъ, такая «граница» не могла предполагать естественнаго и простаго ея пересеченія. Салабинъ – непосредственный тому свидѣтель.

Но поначалу вспомнились ему коробки, порученные Иринѣ молодыми нахальными горожанами при ея отъездѣ, и посѣлилась тревога въ душѣ: какъ-то преодолѣтъ она украинскую таможенную?..

Когда дочкѣ Салабина было четыре года, онъ ѣздилъ съ нею въ отпускъ къ сестрѣ-киевлянкѣ. Наталья ѣхать съ ними не могла: только-только устроилась на работу въ дѣтсадъ. «Незалежность» Украины была ещё въ новинку какъ самимъ «украинцамъ», такъ и сосѣдямъ – «новымъ иностранцамъ», но сильнѣе всего, притомъ сразу, она поразила мозги укрупограничниковъ и укруптаможенниковъ.

На пограничной станціи укрупчины вошли въ ихъ вагонъ и вскорѣ разнеслась перепалка съ того и съ другого конца: въ дальнемъ концѣ не разрѣшали къ провозу телевизоръ, а въ ближнемъ – ручную швейную машинку. На телевизоръ положили глазъ таможенники, на швейную машинку – пограничники. Налицо было смѣшеніе исполняемыхъ обязанностей, но ни зелёные ни сѣрые мундиры не предъявляли никакихъ основаній для запрета къ провозу указанныхъ издѣлій. Предъявили только выборъ: либо ѣдешь безъ запретнаго артикула, либо будешь ссаженъ (ссажена) вмѣстѣ съ нимъ – «до выясненія».

– До выясненія чего? – спрашивала жертва.

– Тамъ видно будэ, – отвѣчаль несокрушимый чинъ.

Споръ о телевизорѣ затихъ – какъ разрѣшился, осталось неизвѣстнымъ, а несчастную женщину со швейной машинкой таки ссадили на перронъ.

Сосѣдомъ Салабина былъ морякъ рыболовнаго флота изъ Мурманска, возвращавшійся на родину – въ Хмѣльницкую область. Сѣрый таможенникъ сурово посмотрѣлъ на советскій паспортъ мурманскаго украинца, заявляющаго, что онъ возвращается на батьківщину, на постоянное жительство.

Раскрывъ чемоданъ, тотъ честно предъявилъ одежду и гостинцы, а также, согласно деклараціи, заработанные доллары. Эти деньги, возвращенныя таможенникомъ послѣ пересчѣта, рыбакъ сунулъ въ кармашекъ висѣвшей на крюкѣ сорочки. Тѣмъ временемъ украинскій чинъ взялъ въ руки рыбацкій ножъ въ ножнахъ ручной работы, своего рода произведеніе искусства, и потребовалъ разрѣшеніе на холодное оружіе.

– Я его не ношу какъ оружіе, я въ чемоданѣ везу, – возразилъ рыбакъ. – Это памятный подарокъ.

Однако чинъ уже понялъ, что кромѣ какъ ножомъ, ему больше нечѣмъ поживиться съ соотечественника.

– Ну, ось складэмо акт... – мечтательно произнёсъ таможенникъ.

Но тутъ ему закричали сослуживцы, что время вышло, поѣздъ будетъ сейчасъ отправленъ.

Рыбакъ уже готовъ былъ махнуть рукой: «бери, моль, падла!» – но это сообщеніе досмотровой группы остановило его.

Чинь въ отчаяніи повертѣлъ головой и взглядъ его упалъ на торчавшіе изъ кармашка сорочки доллары.

– О! Это ваши доллары? – воскликнулъ онъ.

– Мои, – спокойно отвѣтилъ рыбакъ. – Вы ихъ только что сами пересчитывали.

Чинь скорчилъ гримасу какъ отъ внезапной зубной боли и обернулся къ Салабину, уже прошедшему паспортный контроль, но ещё не удостоенному вниманія таможни. Тѣмъ временемъ коллеги позвали ретиваго сослуживца гораздо болѣе рѣшительно. Тотъ крутанулся на одномъ каблукѣ (Салабинъ могъ ручаться, что слышалъ скрипъ зубовъ), швырнулъ изукрашенный ножъ рыбаку и шмыгнулъ въ коридоръ.

Рыбакъ шумно выдохнулъ и отвернулся къ окну.

Лялька-Маруся мирно спала у отца за спиной.

Вскорѣ перронъ съ металлическимъ частоколомъ остроконечнаго забора медленно поплылъ за окнами... До украинской ночи, до гопака съ тризубцемъ оставались считанные метры.

Обратно отецъ и дочка ѣхали не кievскимъ, а львовскимъ, не изъ державной столицы, а съ узловой периферійной станціи на Волыни, куда были зазваны изъ Кіева свояками Марусиной тѣти, Геннадіевой сестры. Поѣздная бригада превратила плацкартные вагоны по факту въ вагоны общаго типа... Впрочемъ, нѣтъ, не столько бригада, какъ билетная касса: на каждое спальное место было выдано по три билета, даром что деньги были заплачены какъ за плацкарту. В итогѣ ѣхали сутки плечомъ къ плечу съ другими пострадавшими, только у Геннадія ещё спала на коленяхъ родная ноша – Маруся, и ѣхалъ онъ почти весь путь не шевелясь.

Прошло нѣсколько лѣтъ...

Вернувшійся въ составъ пароходства Салабинъ долженъ былъ восстановить загранпаспортъ – и отправился съ документами въ миграціонную службу.

– Вашъ общегражданскій паспортъ недѣйствителенъ! – огорошила его инспекторъ.

– Почему?

– Вы на Украину ѣздили?

– Ну да.

– Они вамъ поставили штампъ погранконтроля. Испортили документъ.

– Простите, не понял!

– Не вы первый, не вы послѣдній! По межправительственному соглашенію поѣздки нашихъ гражданъ между двумя государствами...

(Салабина передёрнуло при упоминаніи «двухъ государствъ».)

– ...по внутреннимъ общегражданскимъ паспортамъ безъ отмѣтокъ погранконтроля. Это дѣлается только въ загранпаспортахъ. Но они и в усъ не дуютъ: мы имъ пишемъ, пишемъ, призываемъ выполнять соглашенія – какъ объ стенку горохомъ...

– И что – я столько времени жилъ съ недѣйствительнымъ паспортомъ? – изумился Салабинъ. – Съ работы на работу переходилъ, зарплату получалъ, посылки, бандероли?..

– Вотъ именно! Пока не провѣрили васъ досконально! – инспекторъ улыбалась.

– И что теперь?

– Дней за десять получите новый, вмѣсто испорченнаго, и придёте снова просить заграничный. Вотъ вамъ бланки: заполняйте!..

Заполняя бланкъ, Геннадій внутреннѣ пожалѣлъ укромчиновниковъ: никакъ не удаётся утвердить имъ свою внезапную державность ни въ паспортахъ россиянь, ни во всѣхъ головахъ у своихъ громадянъ, ни даже на собственныхъ пограничныхъ столбахъ; договора о границѣ всё ещё нѣту... Тосковали и зудели безъ работы штапки, чесались руки – и прорывался новодержавный зудъ чиновныхъ рукъ туда, куда вовсѣ не слѣдовало.

Какъ же тамъ-то, на границѣ, обошлись эти ушлѣпки съ Ириной?..

Но когда Ирина вернулась, онъ забылъ спросить её объ этихъ глупостяхъ.

Уѣзжая, Ирина проговорила о датѣ возвращенія, но запретила Салабину встрѣчать её. Почему? Просто такъ. Мало ли кто прознаетъ – и тоже придѣтъ, зачѣмъ скандалы – «звѣрскіе притомъ, ты не представляешь, что это за человѣкъ!».

– Ты серьёзно? – спросилъ её Геннадій. – Я хочу тебя встрѣтить – имѣю я право?

– Я ещё не рѣшила! – приподняла она подбородокъ. – Ну, въ общемъ, право ты имѣешь, но я противъ, не надо...

И двумя пальцами не то потѣрла, не то погладила ему руку.

Это воспоминание, ея лукавое кокетство, ея странное прикосновеніе время отъ времени возвращались къ нему... Какъ ваткой со спиртомъ по слѣду отъ шприца, думалось Геннадію.

День возвращенія выдался солнечный, но колебанія Салабина превратили его въ пасмурный: отъ мысли «не хочешь – и не надо!» до желанія тутъ же вскочить и поехать встрѣчать... Такъ прошло полдня и наступилъ моментъ, когда ехать къ поѣзду было уже поздно. И тогда пришло мгновенное рѣшеніе: онъ помчался къ метро, купилъ пурпурную розу и понёсся къ станціи «Звѣздной». Сидя у дѣтской пѣсочницы во дворѣ дома 93, среди старыхъ липъ и тополей, онъ пялился на сверкавшую коричневой эмалью дверь подъѣзда Ирины...

– Молодой человѣкъ, не меня ли вы ждёте?

Онъ вскочилъ на этотъ голосъ, навстрѣчу ея улыбка. Не со стороны метро, откуда онъ ждалъ её, появилась она... И – налегкѣ, безъ багажа.

Онъ протянулъ ей розу. Она ему подставила щѣку для поцелуя. Тронутый этимъ, какъ мальчикъ, онъ пролепеталъ:

– Ира, когда ты приѣхала?

Приѣхала она вчера, не вынесла гостепріимства Саши съ Аллой, совсѣмъ какъ въ той шуткѣ: «Милые гости, не надоели ли вамъ хозяева?»

– Они такъ и сказали? – изумился Салабинъ.

– Нѣтъ! Это мнѣ они на самомъ дѣлѣ надоели! Хотя на сутки раньше, а билетъ передѣлала.

– Ну и хорошо! Вы съ дочкой вернулись?

– Нѣтъ, ей всё нипочѣмъ: осталась учёбу прогуливать, загаръ накапливать.

– А ты... не по мнѣ ли соскучилась?

– Почти...

– А вѣдь могла бы позвонить!

– Могла бы...

Они пошли къ ея подъѣзду и на третьемъ шагѣ Салабинъ взялъ Иру за руку – ту, что не была занята его розой. Ира руки не отняла – и стала рассказывать, что за люди эти южане, Саша и Алла, съ которыми у ней было шапочное знакомство, когда Алла стажировалась въ Питерѣ на повышеніи квалификаціи стоматологовъ. Потомъ вдругъ заочно они сильно задружились съ Ирой и стали звать ихъ съ Юлей къ себѣ въ отпускъ. А Ира теперь поняла въ чѣмъ дѣло: хотя бы удрать изъ «украинскаго» Крыма и купить жильё въ Питерѣ. И по намѣкамъ видно, что собираются къ Ирѣ на постой.

Разговаривая, она прошла въ «родительскую» спальню – и Геннадій, какъ нитка за иголкой, прослѣдовалъ за ней.

– Ну-ка, кто мнѣ звонилъ?.. – она стала «пролистывать» на своёмъ аппаратѣ списокъ случившихся въ ея отсутствіе звонковъ.

– А ты не слишкомъ-то и загорѣла... – замѣтилъ Геннадій.

– Я изъ этого не дѣлаю культа.

– И правильно!

Въ это время въ дверь позвонили. Ира перемѣнилась въ лицѣ:

– Ну вотъ!.. Я такъ и знала!

– А что такое?

Она понизила голосъ до шѣпота:

– Родители!..

Приѣхавшіе съ дачи родители шумно съ объятіями налетѣли на возвратившуюся дочку; у обо-

ихъ Салабинъ увидѣлъ дочкины черты. Отецъ чѣмъ-то походилъ и на Салабина-старшаго: сухощавый, съ мѣшками подъ глазами; мать – блѣдная, начавшая полнѣть женщина съ востроносимъ личикомъ.

Мать первая поворотилась къ Геннадію – и дочка назвала родителямъ его имя. Салабинъ пожалъ руку обоимъ, тѣ назвались по имени-отчеству, а смущенная память Салабина не смогла ихъ увѣренно удержать.

Ирина зашла за спину родителей и оттуда мерцающимъ взглядомъ указала ему на дверь.

– Пріятно было познакомиться! – смятымъ голосомъ произнёсъ Геннадій. – Ира, я пойду!

– Хорошо, давай!.. Созвонимся! – откликнулась та, не мѣняя своего мѣстоположенія.

– Заходите, Гена, будемъ рады! – улыбнулась мать (кажется, Елена Васильевна).

– Да я, спасибо, съ удовольствіемъ... какъ только Ира пригласитъ! – пообѣщаль Салабинъ.

Елена Васильевна оглянулась на дочь съ нѣмымъ вопросомъ, но та потупила взглядъ.

– А Юля что? – спросила мать у дочки.

– Черезъ недѣлю, – отвѣтила та. – Самостоятельная слишкомъ!

– Ахъ, куда тамъ!.. – вздохнула мать, ища взглядомъ мужа. – И куда намъ до нихъ!

Отецъ, стоявшій ближе всѣхъ къ Салабину, молча пожалъ ему руку.

«Что изъ этого всего слѣдуетъ? – спрашивалъ себя Салабинъ, шагая по улицѣ Ленсовета, то есть Ѳёдора Углова. – Что слѣдуетъ, мы узнаемъ при встрѣчѣ... или – по телефону.» Онъ рѣшилъ, что звонить Иринѣ сегодня не будетъ, лучше – завтра. Позвонитъ, назовётъ себя (если трубку сниметъ не Ира) – и спроситъ Ирочку... А ей онъ расскажетъ, какіе у ней симпатичные папа и мама.

Трубку сняла сама Ира. Она честно призналась, что родители снова уѣхали на дачу, «пока по-

стоить» (они просто доченькѣ съ внученькой доставили овощей и фруктовъ), но несмотря на ихъ отъѣздъ, слѣдующіе дни у Иры достаточно загружены: «позвони послѣзавтра, ладно?»

Салабинъ отвѣтилъ безсердечнымъ «о'кей» и угасающимъ «пока», послѣ чего повѣсилъ трубку. Трубка въ коммунальной квартирѣ у нихъ вѣшалась на крюкъ – телефонъ былъ тотъ ещё реликтъ.

* * *

«Женщина – это стихія!» – негодуя и восхищаясь, твердилъ себѣ Геннадій, когда не «послѣзавтра», а уже «завтра» Ирина позвала его на «праздничный ужинъ по случаю прибытія Юли».

Юли?.. Ахъ, это дочка! Къ пяти часамъ? И не опаздывать? А форма одежды?.. Любая? Понятно, мы не въ театр идѣм... Лечу!

Юля оказалась смуглой шатенкой или почти брюнеткой; она живо напомнила Салабину тѣ фотографии флотскаго офицера Саши Макарова, писавшаго трогательныя письма своей бывшей женѣ. Судьба, не судьба; не судьба – эхъ, судьба...

Приглашая въ гости, Ира успѣла объяснить Салабину, что дочка пресытилась гостепріимствомъ инкермановскихъ Саши и Аллы и звѣрски соскучилась по Питеру.

Сидя съ ними теперь за столомъ съ цвѣтами и при свѣчахъ, Геннадій услышалъ, какъ дочка сказала матери:

– Подожди, они скоро объявятся! И станутъ жить у насъ!

– Ты что? Типунъ тебѣ... – изобразила непониманіе Ира.

– А ты какъ думаешь, мама? Съ какой это стати у южныхъ людей такая жажда насъ видѣть, принимать, ухаживать?..

Такъ оно и вышло потомъ: гдѣ-то въ ноябрѣ.

А пока что былъ ещё сентябрь – и такой молодой...

* * *

А дѣла въ странѣ катились по законамъ билліарднаго стола. Въ 1996 году страна испытала острый приступъ тошноты, когда повторно сдѣлали президентомъ непросыхавшаго Ельцина. А выигравшій выборы, по простодушному мнѣнію народа, Комуняка Зю получилъ отъ братковъ-демократовъ серьёзную «предъяву»: либо уходишь въ лучший міръ къ генералу Рохлину, либо переходишь въ сервильно-системную «опузѣцію» пожизненнымъ главарёмъ пенсіонеровъ пролетаріата – зато съ

гарантією бюджетнаго содержания. Докторишка філософії ухватилася за представившуся можливість, а страна осталася со стойкимъ ощущеніємъ, что её грубо «поимѣли». Эти закавыченныя слова – и соотвѣтственныя дѣйствія – рѣшительно входили въ политическую моду.

Обнаружилось, что бывшій советскій генералитетъ-адмиралитетъ, усиліями тарабарскихъ замполитовъ, утратилъ память и пониманіе присяги, дозволяя ельциноидамъ отречься отъ арміи, флота и страны вообще – ради мѣстечка въ «міровомъ сообществѣ».

Тошнота становилась общимъ самочувствіемъ какъ ельцинѳидемократіи, такъ и оголтѣлаго пролетаріата всѣхъ отраслей труда. Увы, къ единенію это привести не могло: первые по-прежнему молились на Статую Свободы, дважды которую облетѣлъ на американскомъ вертолѣтѣ ихъ недавній кумирь; а обнищавшія массы, не имѣя никакого руководства, ниже царя въ головѣ, продолжали поклоняться призракамъ разнаго рода – здравствующимъ (какъ лидеры КРО и КПРФ) либо ушедшимъ, вплоть до оболганнаго Виссаріоньча.

На этомъ фонѣ разворачивалась оптимистическая трагедія Салабина по обезпеченію себя и дочки болѣе пріемлемымъ жильёмъ.

Работая на заморскаго Сашу, Салабинъ, чего ужъ грѣха таить, получалъ значительно больше того, что кое-какъ могли получать трудящіяся массы соотечественниковъ. Онъ смогъ, въ концѣ концовъ, накопить на выходъ со своимъ запросомъ къ *рѣлторамъ*. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; золотая осѣнь должна ещё смѣниться слякотью и промозглостью, а сырая зима – вполне морозной, прежде чѣмъ Салабинъ и его «Маруся» смѣнятъ мѣсто жительства.

Въ разгаръ бабьяго лѣта прибыли нахалы изъ Инкермана.

Такъ себя аттестовали Саша съ Аллой, рвавшіеся изъ обукрайненнаго Крыма въ Питерь, на Сашину родину. Вѣдь лучше предвосхитить чужіе упреки – и тѣмъ самымъ обезоружить потерпѣвшихъ...

Ирина размѣстила ихъ въ родительской спальнѣ, перемѣстившись сама в комнату поменьше – къ Юлѣ.

Едва устроившись, Алла схватила домашній телефонъ и стала названивать неизвѣстнымъ людамъ – во всеуслышанье заниматься похвальбой и *самобичеваніемъ*: «а мы съ Сашей уже въ Питере! – поселились внаглую у знакомыхъ». Рассказывая объ этомъ Салабину, Ирина округляла глаза... И тутъ же предложила ему зайти – познакомиться съ нахалами.

– Всѣ равно уже дурдомъ!.. Ты его не испортишь! – неделикатно усмѣхнулась она.

– А я что – сильно портилъ?..

Недоумѣніе и обида звучали въ голосѣ Салабина.

– Да это я просто такъ... Сглушила.

Салабинъ не сталъ говорить, что Сашу онъ уже видѣлъ на вокзалѣ, какъ одного изъ двухъ «горожанъ», а желанія видѣть его жену тоже особаго не имѣлось, лучше бы имъ съ Ирой прогуляться безъ постороннихъ... Всѣ лучше, чѣмъ смотрѣть, какъ чужая хозяйка въ твоей кухнѣ...

– Вотъ-вотъ! Именно! Пойдѣмъ, пойдѣмъ! – она схватила Геннадія за локоть и повлекла къ своему дому.

Сашей оказался тотъ изъ «горожанъ», что покороче и круглей; Алла же была широколицей чернавкой съ морщинистымъ выпуклымъ лбомъ... Едва представивъ ихъ другъ другу въ прихожей, Ира потащила Салабина въ кухню, открыла выдвигной ящикъ стола и произнесла обжигающимъ шепотомъ :

– Смотри, какая она хозяйка!.. Какъ она моетъ!

На предъявленной вилкѣ явственно виднѣлись остатки яичницы.

– Не бралась бы лучше!.. Ну какъ тебѣ это?! Всѣ для отвода глазъ!..

– А въ Крыму было какъ? – спросилъ заинтересованно Салабинъ.

– Там-то вѣдь мыла я!

– У-мм!.. – произнёсъ Геннадій и, что-то шепча, приподнялъ двумя пальцами нежный Иринъ подбородокъ и поцѣловалъ ея нежныя губы...

– Пошли гулять! – тихо сказала она.

Въ прихожей ихъ услышали нахалы и Алла закричала сквозь приоткрытую дверь:

– Такъ быстро, что ли, его покормила?

– Это наши дѣла! – категорически отвѣтила Ира, и Салабину это очень понравилось.

Въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ если и бываль Геннадій у Ирины, то почти всегда въ присутствіи Саши съ Аллой. Поэтому остатокъ сентября, октябрь, ноябрь и начало декабря стали періодомъ ихъ прогулокъ (при хорошей погодѣ) или общенія въ какомъ-нибудь укрытіи (кафе, торговый центръ) въ непогоду.

Прогулки ихъ были, большей частью, молчаливы, хотя Ира порой говорила ему «разслабься» или замѣчала ему, что онъ «какой-то напряжённый»; а напряжённымъ онъ становился отъ ея разсказовъ. Ейный Серёга, страшный человекъ, почти что алкашъ (машину-то отцовскую по пьяни разбилъ!) – ещё и невѣренъ былъ... По его милости ей лѣчиться пришлось; «подорвалъ иммунку» ей совсѣмъ. Спившійся типъ. И ничего ему не стоило назвать её, Иру, представъ себѣ, *сучарой*... «Вотъ негодяй!» – воскликнулъ Геннадій. А самъ подумаль: «Зачѣмъ она это рассказываетъ?!»

Насколько страненъ былъ Салабинъ для Ирины, настолько непонятна была ему Ирина. Она выговаривала ему за то, что онъ – въ присутствіи крымскихъ «нахаловъ» – слишкомъ откровенно проявляетъ свои чувства къ ней, едва ли не облизывается... «Прямо сочишься и блистишь!.. Ты меня смущаешь!»

Въ отвѣтъ онъ смотрѣлъ недоумѣнно – и молчалъ. Но когда она рассказывала объ отцѣ, о матери, о собственномъ дѣтствѣ, онъ былъ весь – вниманіе. Мать ея была изъ литовскаго рода Повиліонисовъ, а отецъ – коренной русакъ изъ новгородцев; будучи инженеромъ-гидротехникомъ, онъ грезилъ небомъ, долгихъ три года строилъ въ сараѣ самолётъ своей конструкции – изъ добываемыхъ правдами и неправдами матеріаловъ и деталей. На нѣмъ отецъ сумѣлъ перелетѣть черезъ Лугу, неудачно приземлиться и разбить свой аппаратъ.

– Почему же неудачно? Въдь здоровъ, невредимъ – всё удачно!

– Можетъ, ты и правъ! – согласилась Ирина. – Удачно отбилъ себѣ охоту. И мама его умоляла больше такъ не дѣлать. Но меня успѣлъ заразить: пошла въ аэроклубъ на свою голову!

Салабинъ уловилъ эту покаянную ноту ея; и спросилъ:

– А отецъ рѣку Лугу перелетѣлъ – или городъ?

– Конечно, рѣчку! Куда ему было черезъ городъ пытаться!

– А давно это было?

– Такъ... сейчасъ... Ещё до афганской войны это было.

– Такъ его и не пустили бы летать надъ городомъ...

– Конечно! О чѣмъ ты говоришь?!

И былъ ещё коллективный походъ въ театръ на Литейномъ. У нахала Саши родной дядя служилъ тамъ актѣромъ. «Ахъ. Онъ изъ актѣровъ! – сказалъ себѣ при этой новости Салабинъ. – А я всё думаль: на кого же онъ похожъ?»

Саша добылъ четыре контрамарки на спектакль по Шолому Алейхему, желая хоть чѣмъ-то скрасить для Ирины оккупационный режимъ ея квартиры.

Съ Ирой Салабинъ готовъ былъ пойти хоть въ театръ. Сей походъ тѣмъ и запомнился, что въ антрактѣ Ира требовала отъ Геннадія быть съ Александромъ впереди женщинъ, а не рядомъ или сзади:

– Твои взгляды меня компрометируютъ!

Пришла зима, въ квартирномъ режимѣ всё продолжалось попрежнему, къ возмущенію юной Юліи:

– Я когда смотрю на нихъ, то вижу, какъ бабушка съ дедушкой морозятъ попы въ дачномъ туалетѣ!

Ира, передавая Геннадію эти дочкины слова, не могла не раздѣлять ея возмущенія.

– Надо ихъ выставить къ такому-то дядѣ! – жѣстко высказался Салабинъ.

– Надо, – тихо кивнула Ира въ отвѣтъ. – Уже Сашка на коленяхъ просилъ потерпѣть: ещё недѣльку, двѣ... Дядя у него троюродный, многодѣтный – вообще не вариантъ...

И уныло продолжала, отойдя къ окну своей кухни:

– Вообще, всё одинъ къ одному... Долговъ накопила...

– Сколько? – спросилъ Салабинъ.

– Да я не жалуясь. Я у родителей считаюсь вообще... человекѣмъ обеспеченнымъ.

– Сколько? – повторилъ Салабинъ. Онъ, какъ мы знаемъ, откладывалъ на рѣшеніе квартирнаго вопроса.

– Пятьсот баксов.

«Гм!» – подумал Салабинь. И промолчал, зная, что поспѣшишь – только людей насмѣшишь.

Через нѣсколько дней они встрѣчались тамъ, гдѣ съ Крюковымъ каналомъ встрѣчается каналъ Грибоѣдова, и Салабинь издала съ неудовольствіемъ увидѣлъ, идя навстрѣчу ей отъ соборной колокольни, какъ Ирина остановилась зажечь сигарету...

Она подставила ему прохладную щѣку, а онъ въ отмѣтку – кому? – соскользнулъ съ ея мѣрзлаго носа къ прокуреннымъ губамъ. Подошёлъ трамвай; они доѣхали до Сѣнной и тамъ зашли выпить чаю въ какой-то полуподвальчикъ.

Передъ тѣмъ, какъ имъ выйти къ метро, Салабинь вручилъ Ирину конвертъ съ пятьюстами «баксами», кратко сказавъ:

– Дома посмотришь.

Имъ предстояло разѣхаться по своимъ дѣламъ и по разнымъ вѣткамъ метро...

Сѣнная вся была уставлена ларьками съ китайскимъ сухимъ молокомъ и польскими чипсами. Люди съ телѣжками приѣзжали со всѣхъ окраинъ за дешёвыми субпродуктами, чтобы обезпечить семью пропитаніемъ на недѣлю вперѣдъ.

Салабинь шагала рядомъ съ Ирой, смотрѣлъ на регуляторную *руку рынка* – и она представлялась ему костлявой и когтистой, какъ у стервятника, лапой, хватающей за горло всѣхъ, кто въ рынокъ *не вписался**. Подъ нагруднымъ карманомъ Салабина, гдѣ только что былъ конвертъ съ деньгами, горѣло и жгло. [* Знаменитая фраза гайдари-чубайситовъ.]

Онъ проѣхалъ съ Ирой до слѣдующей станціи, они кивнули другъ другу – и онъ сошёлъ для пересадки на свою линію.

* * *

Морскія перевозки и логистика – это маленькій замкнутый міръ на замкнутой планетѣ. Поэтому, уйдя изъ пароходства, никто не чувствуетъ, что связи оборваны окончательно; такъ или иначе, но сохраняются контакты, подогрѣваемые собственнымъ озорчаннымъ любопытствомъ. Новости рано или поздно настигали Салабина.

Простые работники пароходства давно не получали зарплатъ и сбыли свои «ваучеры» перекупщикамъ; теперь наступила очередь акціонеровъ родного предприятия. Двѣ спеціальныя организаціи города конкурировали, скупая акціи у загнанныхъ въ уголь инженеровъ, судоводителей, диспетчеровъ, механиковъ, программистовъ... Акціи уходили за безцѣнокъ. Кадры уходили въ частныя компании или круто мѣняли родъ своихъ занятій, обнаруживъ прежде скрытые таланты и способности. Многие стали «муравьями», пересекавшими границу съ чемоданами и коробами «импорта-экспорта».

Бывшій начальникъ пароходства, проведя полгода подъ стражей, вышелъ изъ-подъ слѣдствія почти оправданнымъ и ставшимъ почти лучше себя прежняго. Только возглавить опять пароходство ему не позволили обобранный до нитки коллективъ. Зато въ рукахъ у него остались немалые активы, уведѣнные изъ БМП. Въ промышленной зонѣ «Парнасъ» онъ наладилъ колбасное производство и, себѣ въ утѣшеніе, на бумагѣ учредилъ Baltic Mainstream Company (Балтійское Мейнстрим Пароходство) – чтобы сокращеніе оставалось прежнимъ БМП. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ тужился, выступая по радио съ обѣщаніями возродить пароходство, похваляясь даже поддержкой Кремля. И находились люди, особенно на фонѣ явственнаго банкротства большого БМП, страстно желавшіе вѣрить въ Болтикъ Мейнстримъ. Но журналисты больше ему не подыгрывали и не льстили, не называли самымъ богатымъ предпринимателемъ города.

Міръ, однако, тѣсенъ не только у моряковъ, но и въ любой профессіи. У дверей бывшаго Дома писателей на Шпалерной повстрѣчались панк-рокъ-писатель Игорь Шевердалъ и Геннадій Салабинь.

– Ба! Какими судьбами? – воскликнулъ Шевердалъ и щёлкнулъ пальцами, хмурая лобъ усиленіемъ памяти: – ...Серафимовичъ... Серафимовичъ?..

– Геннадій.

– Во-во! Какъ Интерклубъ?

– Слава Богу, давно ужъ нѣтъ его.

– Дакъ и Дома писателей давно ужъ нѣтъ!

– Какъ же мы съ вами здѣсь оказались, у этихъ дверей? – спросилъ Салабинь.

– А, значить, суждено было встрѣтиться!

– Мм... Я шёлъ къ Литейному, а вы – навстрѣчу. Здѣсь на Шпалерной, кажись, никакой транспортъ для людей не ходитъ. А что теперь стало съ трижды горѣлымъ особнякомъ?

– Кому надо, возстановили, обновили... Но кто владѣеть, не знаю.

– Помню, какъ Илья Поячкинъ меня пригласилъ и я впервые сюда пришёлъ. Испугался таблички на дверяхъ: пропускной режимъ и такое прочее... А прошёлъ какъ ни въ чёмъ не бывало.

Шевердалъ снисходительно усмѣхнулся и тутъ же состроилъ важное лицо:

– Илюха теперь большой человекъ!

– Гдѣ же онъ?..

– Помните, онъ возилъ группу молодёжи въ Польшу къ папѣ римскому? При Горбачёвѣ.

– Припоминаю.

– Съ тѣхъ поръ онъ вѣдаетъ связями Ватикана и Русской Церкви, ставитъ религіозные фильмы, президентъ фонда четырёхъ конфессій...

– Большой, большой человекъ! – согласился Салабинъ. И тутъ же вспомнилъ рассказъ о Поячкинѣ, слышанный ранѣе... Тотъ рассказъ хорошо сочетался съ тѣмъ, что слышалъ онъ теперь.

– Ну а вы какъ, творчество какъ теперь – въ рыночныхъ, такъ сказать, условіяхъ? Что пишете? Какъ Егоръ Гамовъ?

Лицо Шевердала озарилось было готовой рѣчью, но при имени Гамова черты его сникли.

– Гамовъ умеръ, къ сожаленію. Отъ рака.

– Царство небесное, – пробормоталъ Салабинъ.

– Пожалуй, – согласился Шевердалъ. – Хотя былъ атеистъ. Онъ въ послѣднее время уже не писалъ. Строилъ по области дачные срубы и печи складывалъ.

– Ну, руки у него на мѣстѣ были. А вы что пишете?

– Альтернативную исторію. Устойчивый спросъ на неё, между прочимъ!

Салабинъ оцѣнивающе глянулъ на дорогую импортную обувь Шевердала, шикарную сорочку и стильную кожаную куртку.

– Насколько помню, у Поячкина былъ ещё напарникъ въ Союзе писателей – Ивкинъ или Ившинъ, кажется... украинскія пѣсни пѣлъ...

– Да, въ подпитіи забавный Ившинъ, ха-ха... Теперь онъ въ кино подвизается, у Меламуда второй режиссёръ. Это они снимали фильмы про Синявскаго, Кривулина – тогда для своихъ, а теперь для широкой аудиторіи! А может, вы видѣли игровые фильмы – «Дневникъ его тѣни», «Послѣдній балда»?.. «Красную Жизель» вы точно должны были видѣть!

– Нѣтъ, я кинематографу не близокъ.

– Жаль. Созвонимся – я васъ буду извѣщать о просмотрахъ!

И они разошлись, не спросивъ другъ у друга номеровъ телефоновъ.

А вспомнился Салабину рассказъ его однокурсника съ нѣмецкаго отдѣленія, Миши Н., какъ тотъ повстрѣчалъ въ Германіи нашего знакомаго Поячкина... Почему они встрѣтились, Салабинъ уже начисто забылъ – да это и не важно... Начнёмъ съ того, что Миша числился гендиректоромъ нѣкой ассоціаціи разнообразныхъ дѣлъ и регулярно ѣздилъ въ ГДР и ФРГ, а потомъ и въ единую Германію. Встрѣтились они съ Поячкинымъ въ гостяхъ у одного американца-коллекціонера, собиравшаго образцы «живыхъ» самолѣтовъ какъ второй міровой, такъ и «холодной войны»... Милліонеръ вѣлъ предварительные переговоры о приобрѣтеніи «МиГовъ» пятнадцатыхъ и ещё какихъ-то моделей, заодно приглашалъ въ свой «музей» авіатехники въ Аризонѣ, а Поячкинъ былъ въ той гостиницѣ у милліонера вмѣстѣ съ своимъ одноклассникомъ Женькой Вертолпинымъ. И когда хозяинъ номера на четверть часа отлучился – ребята «октябрыта» Илюша и Женя стали предлагать Мишѣ взаимно обязывающую дружбу и сотрудничество... Къ этой минутѣ Миша уже былъ «въ курсѣ», что Женя Вертолпинъ служитъ преподавателемъ русской исторіи и культурной идентичности въ европейскомъ университетѣ НАТО, а вообще онъ специалистъ по Достоевскому и даже якобы его большой поклонникъ. Говоря «якобы», мы пересказываемъ мысли, ощущенія Миши.

– Мы могли бы очень сильно тебѣ помочь въ продвиженіи всѣхъ твоихъ проектовъ, замысловъ, карьеры! – убеждали Мишу Женя съ Ильѣй, одноклассники между собой и однокашники.

Миша тогда знать не могъ, что Поячкинъ станетъ экуменистомъ «міровыхъ религій», но его

подфильникъ Женя говорилъ о себѣ, что онъ-де православный диссертантъ русской духовности. Миша всё же сумѣлъ отказать ребятамъ, неуклюже сославшись на отсутствіе проектовъ, замысловъ, амбицій и, главное, здоровья... Онъ даже вернулся изъ командировки живымъ и ѣздилъ въ Германію ещё, на этотъ разъ – по вопросу наилучшей «утилизациі» бывшихъ советскихъ гарнизонныхъ городковъ. Вѣдь поди докажи, что была официальная попытка вербовки – ребята просто общались свою личную преданность и дружбу на принципахъ взаимности. А здоровье у Миши было, въ самомъ дѣлѣ, не очень. К сожаленію, онъ умеръ раньше большинства своихъ сокурсниковъ.

* * *

Зима пришла черезъ считанные дни послѣ встрѣчи съ Ириной у Крюкова канала – и запомнилась она даже не Новымъ Годомъ, а однимъ эпизодомъ послѣ той встрѣчи.

Быль поздній вечеръ пятницы, дочка уже сдѣлала домашнія заданія, поужинала, посмотрѣла «теликъ» и уже засыпала, когда вдругъ появилась Ирина и позвала Геннадія съ собой – въ гости къ ея подругѣ, съ намѣкомъ на бутылку въ салабинскомъ шкафу.

Салабинъ поцѣловаль дочку, далъ необходимыя указанія, заперъ комнату (у Маруси были свои ключи) и послѣдовалъ за своей... судьбой? повелительницей? неволей?

Подруга Марина коротала одинокій вечеръ, поскольку ея сожитель, дальнбойщикъ Андрей, былъ въ дорогѣ; Салабинъ, находясь въ приподнятомъ волненіи, не догадывался, что это могъ быть мелкій заговоръ двухъ женщинъ, пожелавшихъ совмѣстно выпить среди ночи, изъ которыхъ одна знала навѣрняка, гдѣ, у кого завѣдомо есть наготовѣ «приличная бутылка» (въ данномъ случаѣ – аргентинскій «Boussac»).

Въ приподнятомъ состояніи духа, Салабинъ участвовалъ въ «свѣтской» болтовнѣ двухъ подругъ, изъ которой въ памяти ничего не осталось, кромѣ имени Андрея; но примѣрно къ началу четвертаго ночи онъ сталъ недоумѣвать...

Наконецъ, недоумѣніе разрѣшилось: бутылка кончилась, Марина притащила раскладушку и застелила её. Салабинъ молча наблюдалъ. Закончивъ эту операцію, Марина пожелала «всѣмъ спокойной ночи», совершила омовеніе и удалилась въ свою «супружескую» спальню.

Ирина и Салабинъ, не глядя другъ на друга, стали раздѣваться при свѣтѣ тусклаго торшера, затѣмъ Ирина юркнула подъ лёгкое покрывало, брошенное Мариной на раскладушку.

Салабинъ рѣшилъ, что ему некуда дѣваться, кромѣ какъ устроиться рядомъ, хотя узость раскладушки къ этому не располагала. Получалось, что придѣтся лечь внахлѣсть... А извѣстно, что какъ получается, такъ и выходить.

Шея, грудь Ирины и ея лицо матово свѣтились у него передъ глазами; иногда его глаза сами собой закрывались и наблюдали перетеканіе кромѣшныхъ тѣней и мерцающихъ цвѣтовъ. Иногда кромѣшныя тѣни зіяли какъ бездна; иногда эта бездна вспыхивала голубыми свѣтляками.

Потомъ случилось неожиданное: бездна зазвучала грознымъ, пугающимъ рычаніемъ. Онъ открылъ глаза: лицо Ирины такъ же свѣтилось, а бездна говорила изъ ея разверстаго рта... Не въ силахъ больше слушать, онъ закрылъ эту бездну своими губами.

Когда невольникъ проснулся, сквозь оконныя шторы пробивался утренній свѣтъ. Вся раскладушка была въ его единоличномъ распоряженіи. Дамы дѣлили между собой «супружескую» спальню.

Какое-то время Геннадій размышлялъ о проказникахъ-французахъ, придумавшихъ поговорку: *Ce que femme veut, Dieu le veut*¹. Но не стоитъ это понимать буквально. Смыслъ поговорки только въ томъ, что женщина всегда добѣтся своего.

Слѣдующей мыслью Салабина былъ вопросъ: какъ тамъ дочка? Онъ сталъ озираться въ поискахъ квартирнаго телефона, но таковой не обнаружился².

Кто-то мирно храпѣлъ за дверью спальни... На листкѣ изъ записной книжки Салабинъ нацарапалъ спасибо Маринѣ за гостепріимство, а Иринѣ одно слово: «позвони».

Дорога домой уже казалась ему прыжкомъ черезъ бездну.

¹ Чего хочеть женщина, того хочеть Богъ.

² Сотовые телефоны ещё не стали повсемѣстнымъ явленіемъ.

Ремонтировать жильё, не выѣзжая изъ квартиры, дѣло очень незавидное, но выхода у Салабина не было... И всё это – постепенно, по мѣрѣ накопленія средствъ.

Позвонивъ Иринѣ, Салабинѣ, какъ бы между прочимъ, сказалъ:

– Уже, считай, Новый Годъ на носу... Какіе планы на сей счётъ?

Онъ не добавилъ «у тебя?», и не сказалъ «у насъ съ тобой».

– Я безъ понятія!

– Подумать надо, – отвлечённо произнёсъ Салабинъ.

– У тебя, кстати, новоселье сначала.

– Я не противъ, только... развѣ что на кухнѣ, – и онъ рассказалъ, какъ отчаянно нуждается въ ремонтѣ квартиры.

Когда онъ положилъ трубку, его Маруся посмотрѣла на отца тѣмъ глубочайшимъ взоромъ, который онъ сталъ у неѣ замѣчать, и спросила:

– Папъ, ты Новый Годъ будешь съ Ириной Анатольевной встрѣчать? А меня къ себѣ Свѣта Терехова зовѣть, и тѣтя Рая тоже...

Они тогда ещё отмѣчали Новый годъ по официальному «новому стилю», не дожидаясь ночи на четырнадцатое января, не чувствуя Рождественскаго поста...

– Сходи, конечно, дочка... Подарки мы придумаем. Не сидеть же тебѣ въ этой трущобѣ на праздникъ!

Представилъ своё дитя одно-одинѣшенько во мракѣ *убитой* трущобы, среди моря безумныхъ фейерверковъ за окнами, и сердце его сжалось...

* * *

Застой безвременья долженъ былъ имѣть своё подспудное развитіе, но очи видѣли только безстыдство телевизора и коррупцію. Поэтому Салабинъ, жилецъ девятого этажа, въ свободную минуту смотрѣлъ на небо, на облака или на мглистую пелену зимы.

Въ такую минуту зазвонилъ телефонъ.

– Угадай, гдѣ я буду встрѣчать Новый Годъ! – сказала Ирина.

– Гдѣ?

– У тебя!

Теперь думай, человекъ: ты радъ?..

Онъ вѣдь рассказывалъ ей о состояніи квартиры. А вѣдь молодчина: это её не отпугнуло. Или, въ самомъ дѣлѣ, – это на безрыбьи?.. И всё же – эта категоричность: «я рѣшила» – а ты, моль, радуйся... Я, моль, перебрала всѣ варианты; твой не хуже другихъ... Хотя бы и на кухнѣ.

По правдѣ говоря, на кухонькѣ... Но для ёлочки мѣсто найдѣтся. А нужна ли она? Разберёмся. Цвѣты, свѣчи, еловый лапник. Подарокъ. Шампанское. Но добрыхъ людей отъ шампанскаго пучить. Тогда ещё бутылку рому. Фруктовъ...

Собственно, братъ Салабинъ, чего ты вздыбился? Она вѣрно видитъ положеніе вещей: ты у нея въ кармашкѣ халатика, ты не очень ей нуженъ, но ей пришлось до тебя снизойти. Сколько разъ она тебѣ звонила? Не густо. А ты ей сколько? То-то же. Порѣже теперь? – Молодецъ.

Итакъ, рѣшено: у Салабина. Двое взрослыхъ. А какой, бишь, новый годъ? Батюшки-свѣты, Двухтысячный! Ну ничего себѣ! Это гдѣ такое записать?! Скрижалей этакихъ нѣту!

Да, мы были всѣ на порогѣ перехода изъ одного состоянія въ другое: какъ Россійская Федерация, такъ и люди ея. Изъ кромѣшнаго позора – къ половинному; отъ цинизма полнаго – къ оправданному судомъ; отъ стыда за президента – къ постепенному, стыдливому обрѣтенію – иногда, порой, кое-гдѣ, кое-къмъ – утерянной гордости за государство.

Салабинъ ничего не запомнилъ изъ обстоятельствъ того новогодняго вечера, кромѣ половодья радости, затопившаго ихъ при объявленіи отставки президента Небывалаго.

– Это даже правильно, – говорилъ, держа бокаль въ рукѣ, Салабинъ Иринѣ, – даже хорошо, что его не повѣсили. Значить, онъ сполна получитъ своё, когда испуститъ свой поганый духъ!..

Они оба ничего не помнили, потому что радостно напились.

Многіе, кого знали Салабинъ, признавались въ томъ, что послѣдній годъ тысячелѣтія вынуждали или побуждали ихъ вспоминать происходившее съ ними или ими совершённое въ истекшіе годы. Впрочемъ, они говорили такъ, уже услышавъ подобное изъ телевизора; ему тоже было что вспомнить, о чѣмъ пожалѣть и отчего радоваться...

Тринадцатаго января Геннадій позвонилъ Иринѣ, чтобы поздравить её съ Русскимъ Новымъ Годомъ – по юліанскому календарю. Разговоръ получился малозначащимъ, её что-то будто стѣсняло, а вскорѣ недоумѣніе разрѣшилось, когда въ трубкѣ возникли шумы и голосъ Ирины произнёсъ:

– Тутъ папа тебѣ привѣтъ передаётъ.

«О!..» – подумалъ Салабинъ, поблагодарилъ и попросилъ передать отцу взаимность. Этотъ обмѣнъ привѣтами съ Анатолиемъ запомнился единственной подробностью того разговора. Зато слѣдующій звонокъ Салабина случился не средь бѣла дня: онъ зналъ, что родители Иры зимуютъ на дачѣ, надѣясь на устройство ею своей личной жизни, и потому набралъ ея номеръ безбоязненно.

Едва прозвучалъ въ трубкѣ первый гудокъ, какъ въ ухо ему прокричалъ голосъ Ирины:

– Геннадій Серафимовичъ, я вамъ перезвоню!.. – и раздались частые гудки.

Ошарашенный Салабинъ водворилъ телефонную трубку на мѣсто.

Вотъ какъ это здорово – имѣть телефонъ съ опредѣлителемъ номера! Она была ещё способна снять трубку, но говорить уже не могла. Была ли дочка Юля въ это время дома? А какая, впрочемъ, разница, если Ирина сама говорила, что Сергѣй успѣлъ стать для Юли фактически роднымъ человѣкомъ!

Держи, Салабинъ, ударъ!.. Держи! Жизнь продолжается! Перешагнёмъ этотъ послѣдній годъ – а тамъ уже новое тысячелѣтіе, брат!

Онъ далъ себѣ слово больше *туда* не звонить. И, немного подумавъ, рѣшилъ приобрести специальную приставку къ телефонному аппарату, опредѣляющую номеръ, съ котораго поступаетъ вызовъ. Такія устройства уже появились въ продажѣ и они не требовали договорныхъ отношеній съ телефонной станціей; въ этомъ была новизна пиратскаго рынка.

Когда господа судовые агенты, работавшіе на заморскаго одессита Лёню, перешли въ подчиненіе новой Лёниной компаніи, то имъ показалаcя нѣсколько странной избыточность штатнаго расписанія. Помимо людей, работавшихъ съ флотомъ, здесь были служащіе, считавшіе кругооборотъ контейнеровъ, считавшіе дѣбетъ-кредитъ – и писавшіе «аналитику». Особенное значеніе Лёня Воденко придавалъ аналитикѣ. Особо довѣренныхъ сотрудниковъ Лёня вызывалъ на стажировки-инструктажи въ головной офисъ въ Нью-Джерси. Гриша Долгоносикъ, начальникъ претензионнаго отдѣла, вернулся изъ такой стажировки окрылённымъ, но родной племянникъ Лёни шѣпотомъ признавался, что въ тамошнемъ офисѣ чувствовалъ себя какъ въ тюрьмѣ. Вскорѣ племянникъ сбѣжалъ изъ-подъ дядина крыла въ милую Одессу – и даже ушѣлъ изъ мѣстнаго отдѣленія дядиной имперіи. Но Алла Сажалникъ, отставная примадонна пароходства, и нѣкто Эдикъ Попиндюшкинъ, между дѣломъ оформлявшій контейнеры, всю душу вкладывали въ свою аналитику – даже безъ командировокъ въ головной офисъ.

Свѣтлымъ пятномъ на этомъ фонѣ выглядѣлъ генеральный директоръ Юрій Матвѣевичъ, судовою механикъ предпенсіоннаго возраста, – ни дать ни взять штабсъ-капитанъ Максимъ Максимычъ изъ романа Лермонтова. Однако вскорѣ, стараніями то ли Аллы, то ли Эдика, на Юрія Матвѣевича пало подозреніе въ полученіи «откатовъ» отъ субподрядчиковъ. Самъ заморскій Лёня, шипя возмущеніемъ, повѣдалъ о томъ Салабину по телефону.

Салабинъ не могъ ни опровергнуть, ни подтвердить эти подозренія; его обязанностью былъ контроль портовыхъ расходовъ судовъ и экипажей, а не слѣженіе за качествомъ договоровъ, заключаемыхъ съ контръ-агентами. Но Юрій Матвѣевичъ былъ уволенъ – и такъ была упразднена многолѣтняя дружба, что связывала его съ заморскимъ Лёней Воденко.

Новымъ генеральнымъ сталъ человѣкъ, вошедшій въ Лёнину фирму, какъ и Салабинъ, съ командой изъ «Водо-Меркура», притомъ товарищъ Лёни по одесскому институту. Воденко долженъ былъ знать человѣка, которому довѣрялъ эту должность.

Но не тутъ-то было. Михайль продержался въ генеральныхъ ровно полгода. На пятомъ мѣсяцѣ въ этой должности онъ рѣшилъ освятить помѣщенія конторы и пригласилъ православнаго священника.

Салабинъ съ интересомъ и страхомъ наблюдалъ, какъ вели себя при этомъ люди. Алла Сажалникъ стучала по клавишамъ, не отрывая глазъ отъ монитора, – писала, вѣроятно, аналитику. Попиндюшкин демонстративно повернулся къ священнику спиной и сталъ елозить мышкой, глядя въ мониторъ. Сотрудники выглядели по-разному: у кого глаза навылупку, у кого – квадратные.

Недѣля ещё не закончилась, какъ пришла электронная депеша изъ Нью-Джерси: такого-то числа прибываетъ съ инспекторской провѣркой Борисъ Михайловичъ Смиркинъ, капитанъ дальняго плаванія, отецъ Андрюхи Смиркина, пароходскаго недоросля советскихъ времёнъ, а теперь партнёра Лёни по бизнесу.

«Работа адова будетъ сдѣлана – и дѣлается уже...»

Понятное дѣло, что Смиркинъ-старшій уволилъ Михаила и поставилъ новаго генеральнаго директора. Постоянныя обновленія аналитики возымѣли свой эффектъ. Только дѣло этимъ не ограничилось, и чтобы это объяснить, какъ говорятъ на флотѣ, подходчивѣ «на морской выпуклый глазъ», придѣтся рассказать о томъ, что пришлось внезапно вспомнить нашему Салабину.

* * *

За нѣсколько лѣтъ до «Водо-Меркура» и задолго до возвращенія Салабина въ пароходство, однажды онъ ѣхалъ въ метро, стоя у дверей вагона, какъ на одной станціи въ открывшуюся дверь вошла молодая женщина съ нѣжнымъ загаромъ и неожиданно поздоровалась съ нимъ.

– Вы меня знаете? – удивился Геннадій.

– А вы не узнаете?.. Я Маша Голоменова.

Салабинъ выпучилъ глаза:

– Теперь узнаю! Просто не ожидалъ. Какими судьбами?

– А я тутъ живу, на Бассейной, рядомъ съ Паркомъ Побѣды.

И какъ-то такъ получилось, что Салабинъ не поѣхалъ дальше, какъ намѣревался, а вышелъ вмѣстѣ съ Машей и, разговаривая съ ней, – вы не повѣрите, читатель, – о поэтѣ Иннокентіи Анненскомъ, оказался въ просторной квартирѣ въ башенномъ домѣ сталинской архитектуры и былъ представленъ дочкѣ Маши Голоменной – старшеклассницѣ Лерѣ. Но страннаго здѣсь нѣтъ ничего, такъ какъ Маша была въ ту пору студенткой московскаго Литинститута. Это называется: Салабинъ повѣлся...

Фамилія Голоменовыхъ ещё продолжала звучать въ тѣсномъ мірѣ морского транспортнаго флота, отъ Москвы до Балтики, Австраліи и Нидерландовъ – это всё мѣста, гдѣ служилъ Голоменовъ-отецъ, нѣкогда непосредственный начальникъ Салабина и «лучшаго ХЭГСа по Минморфлоту» на ВДНХ. А въ квартиру Маши и Леры Голоменовыхъ онъ зашелъ не просто «какъ-то такъ», а потому, вѣроятно, что у Геннадія была уже маленькая исторія отношеній съ Машей. И то, что сейчасъ онъ её не сразу узналъ, ещё ни о чёмъ не говоритъ.

Однако – обо всёмъ по порядку.

Когда Машинъ папа работалъ въ Польше (какъ это мы чуть не забыли упомянуть эту великолѣпную страну?), а Маша родила Леру и уже развелась, Салабинъ – уже, увы, женатый и отецъ семейства – какъ-то передъ Новымъ Годомъ позвонилъ Машѣ и спросилъ, обзавелась ли она настѣннымъ фирменнымъ календарёмъ. Тогда среди береговыхъ людей особенно, да и плавсостава тоже, имѣть настѣнный календарь съ яркими фотографіями считалось непремѣннымъ признакомъ статуса въ профессіи.

Маша сказала, что календаря у неё пока нѣтъ.

– Тогда я вамъ привезу нашъ пароходскій! – пообѣщаль онъ, полный энтузіазма.

Теперь – поподробнѣе объ энтузіазмѣ... Но сначала о Голоменовѣ-папѣ.

По словамъ осведомлённаго Гасанюка, Семёнъ Тарасычъ Голоменовъ былъ другъ юности главнаго смотрящаго по морскимъ заграничарамъ – самага Азбецкаго! Поэтому Салабинъ со товарищи впервые узнали Тарасыча, недавно разставшагося съ моремъ капитана, когда онъ сталъ въ отдѣлахъ пароходства начитываться разныхъ свѣдѣній передъ долгой командировкой въ Австралію. Потомъ, пріѣзжая въ отпускъ, онъ приходилъ въ пароходство неизмѣнно съ дочкой-школьницей – упомяну-

той Машей. После Австралии Тарасычъ сталъ непосредственнымъ начальникомъ и Салабина, и Лёни Воденко, причёмъ стиль его общенія съ подчинёнными былъ удивителенъ: перекуривая съ «диспетчерьёмъ», онъ лихо травилъ анекдоты и морскія байки, которыя порою слушалъ и некурящій Салабинъ. Очевидно, Семёнъ Тарасычъ былъ на берегу такимъ же, какъ и въ морѣ. Когда подчинённыхъ было рядомъ болѣе двухъ, онъ осознанно былъ съ ними фамиллярень, но одинъ на одинъ бывалъ всегда разнымъ.

Всѣ слушатели анекдотовъ начальника тоже фамиллярно называли его межъ собой Тарасычемъ, а Лёня Воденко, скоро ставъ его любимцемъ, и обращался къ нему прямо только такъ.

Салабинъ же чувствовалъ, что его Тарасычъ недолюбливаетъ, какъ чѣрный воронъ бѣлую ворону. Болѣе того, по нѣкоторымъ вопросамъ Сергѣя Ивановича Купавина онъ догадался, что Тарасычъ что-то льѣтъ на него начальству...

Потомъ Тарасычъ поработалъ въ Польшѣ и въ Голландіи, но дочку Машу родители съ собой уже не брали: та подросла, вышла замужъ, родила, развелась, стала учиться заочно... къ изумленію Салабина, въ Литературномъ институтѣ. Тарасычъ охотно дѣлился дочкиными новостями съ диспетчерами своего отдѣла. Такъ они узнали фамилію поэта Наровчатова, который поспособствовалъ поступленію Маши Голоменовой въ Литинститутъ.

Живя за границей, Тарасычъ пріѣзжалъ не только въ отпускъ, но и въ командировки. въ пароходство. Тогда отъ него и узнали, почему развелась его Маша: зять Тарасыча оказался наркоманомъ. Салабину пришлось слушать съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, какъ Тарасычъ, участвуя въ дѣловыхъ переговорахъ съ инофирмами, ту же новость сообщалъ чужеземцамъ. Недоумѣвалъ Салабинъ потому, что въ словахъ Тарасыча уму слышалась нѣкая похвальба: «У насъ тѣ же проблемы съ наркотиками, мы не очень-то отстали отъ васъ, господа капиталисты!» Хотя въ то время подобные случаи у насъ были рѣдки.

Подчинённымъ же Тарасычъ всё приговаривалъ: «Жаль дѣвчонку, жаль дѣвчонку!...» А что могли они отвѣтить, всѣ будучи женатыми?

И вотъ, когда жилъ Тарасычъ въ польской Гдынѣ, Салабину довелось туда поѣхать по служебнымъ дѣламъ. Поскольку жена Тарасыча была въ отъѣздѣ – на Родинѣ, то Тарасычъ забралъ Салабину изъ гостиницы къ себѣ на квартиру, чтобы вдвоёмъ картошку чистить и супъ варить.

Наединѣ съ Салабинымъ Тарасычъ не травилъ анекдотовъ, а рассказывалъ сценки изъ жизни русской «морской» и виѣшнеторговой колоніи въ Польшѣ, размышлялъ и философствовалъ: осуждалъ западную приверженность индивидуальнымъ средствамъ транспорта... «Въ каждой тачкѣ, понимаешь, сидитъ одинъ панъ – и коптитъ воздухъ!»

Въ декабрьской Гдынѣ всё отопленіе держалось на буромъ углѣ, воздухъ являлъ собою смѣсъ тумана съ копотью; поэтому рѣчи Тарасыча находили въ Салабинѣ солидарнаго слушателя. Впрочемъ, это былъ 80-й годъ, выходила изъ береговъ «Солидарносць», слишкомъ многое въ Польшѣ, кромѣ лѣта и багряной осѣни, Тарасычу не нравилось и вскорѣ онъ оказался въ Нидерландахъ.

А Салабинъ вернулся изъ командировки, оставивъ въ кухнѣ у Тарасыча свой забытый ножъ, – уже тогда заподозривъ, что это не къ добру.

Когда онъ привѣзъ обѣщанный Маше Голоменовой календарь, то въ памяти ещё были живы тѣ минуты, когда они съ Гасанюкомъ вздыхали, глядя на Машу, и что-нибудь говорили другъ другу (оба женатые), а Гасанюкъ резюмировалъ: «Ей молодые нужны!»

Родивъ дѣвочку, Маша расцвѣла женственнымъ великолѣпіемъ, оставаясь ещё достаточно изящной, и Салабинъ, сдѣлавъ ей почти съ порога комплиментъ, дальше оставался нѣмъ и отчасти глухъ, глядя, подъ звуки ея свѣтской болтовни, какъ покачивается на вѣсу ея лодыжка.

Но съ тѣхъ поръ много лѣтъ утекло. И вотъ уже въ странѣ изменённаго образа жизни, въ вагонѣ метро, свѣтловолосая загорѣлая женщина пріятной полноты называетъ себя Машей Голоменовой.

* * *

Она оказалась теперь главой представительства нѣкой нидерландской фирмы, гордо вручила ему визитку и объявила, что онъ непременно долженъ побывать въ ея офисѣ на Обводномъ каналѣ. Салабинъ, человекъ уже свободный, это легко пообѣщавъ.

Литинститутъ Голоменова окончила, по ея словамъ, успѣшно, но Москва – жестокий городъ: до-

жить можно до сѣднѣ, такъ и не напечатавшись. Она сослалась на мнѣніе однокурсницы, способной печататься въ силу положенія ея родителя, хотя ей это было не очень-то и нужно...

– Мнѣ она говорить: «Твои, Машка, стихи – настоящіе, но тебя не печатають! Такова наша жизнь!»

У Салабина не было причинъ не вѣрить неизвѣстной подругѣ Маши. Которой не особо хочется печататься...

– А чѣмъ подруга занимается? – спросилъ онъ.

– Ничѣмъ. Надо было спрашивать: кѣмъ?

– И кѣмъ же?

– Ой, не надо было и спрашивать!.. – многозначительно сказала Маша.

А Салабину вспомнилось, какъ Тарасычъ подѣлился съ молодыми подчинѣнными частушкой, привезѣнной его дочкой изъ московскаго института:

Миномѣтчикъ, дай мнѣ мину,

Я её въ ... закину,

А когда война начнѣтся –

Врагъ на минѣ подорвѣтся.

Но Маша не была ея авторомъ. Тутъ, вѣроятно, такая цѣпочка: дочка услышала; дочка – мамѣ, мама – папѣ, папа – людямъ... И дочка могла это сообщать съ возмущеніемъ, думалось Салабину; это уже Тарасычъ передавалъ какъ ни въ чѣмъ не бывало, просто изображая нравы литературной столицы.

Поэтому неизвѣстная московская дѣвица, дочь извѣстныхъ родителей, могла вполне заниматься чѣмъ угодно, кѣмъ угодно и какъ угодно.

А Салабинъ въ ближайшій понедѣльникъ купилъ розу и отправился въ нидерландскій офисъ на Обводномъ.

Салабинъ не былъ ни провидцемъ, ни ясновидящимъ – не ощущалъ возможности того, что когда-нибудь окажется въ подчинѣнныхъ у этой Маши.

Иначе бы онъ эту розу не купилъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Сердце Салабина тревожно ёкнуло, какъ только онъ узналъ, при переходѣ въ новую компанію Воденко, что замѣстителемъ у Юрія Матвѣевича не кто иной, какъ Марія Голоменова.

Тутъ-то онъ и вспомнилъ постыдную сцену въ Дачномъ, на почти конспиративной квартирѣ Машиныхъ родителей, удаленно пребывавшихъ въ королевствѣ Нидерландахъ. Случилось эта сцена вскорѣ послѣ злополучной розы, съ которой онъ явился въ нидерландскій офисъ Маріи на Обводномъ. Тамъ же, въ офисѣ, Голоменова вручила ему листки съ отпечатанными на машинкѣ своими стихотвореніями. «Дома прочту!» – завѣрилъ её Салабинъ. Черезъ день-другой она ему назначила встрѣчу въ Дачномъ, чтобы «поговорить о поэзіи». Надо признать, что поэзію она-таки чувствовала, недаромъ у нихъ сразу послѣ той встрѣчи въ метро завязалась бесѣда объ Иннокентіи Анненскомъ. Но собственные стихи у Маріи были слабы, а нередко – безпомощны. Салабинъ напомнилъ себѣ, что дѣвушка провела свои дѣтскіе годы въ Австраліи, почти безъ русской среды. Но нѣтъ, это не причина, совсѣмъ напротивъ, – была же у нихъ библіотека! Просто – что не дано, то не дано.

Упавшій духомъ, собирался Салабинъ къ Маріи для разговора объ ея поэзіи, совсѣмъ не задаваясь вопросомъ, почему это въ Дачномъ, а не въ Паркѣ Побѣды или въ ея пустующемъ офисѣ.

Отъ метро они по мостику перешли рѣчку, исчезавшую здѣсь подъ асфальтомъ проспекта и цѣлаго квартала, и подошли къ скромной пятиэтажкѣ, прятанной за осинами и берѣзами. Подъ этимъ впечатленіемъ Салабинъ даже пригнулся въ поискахъ грибовъ.

– Что съ вами? – спросила Марія.

– Кланяюсь природѣ...

– У васъ будетъ ещё шансъ поклониться! – разсмѣялась она съ тайнымъ эхомъ въ голосѣ.

Онъ промолчалъ и они молча поднялись на второй этажъ, Марія сняла охранную сигнализацию, погромѣла ключами и отперла замки историческаго жилья своихъ «предковъ».

Они обосновались въ двадцатиметровой комнатѣ съ диваномъ, круглымъ столомъ и двумя книжными шкапами, сплошь заполненными книжнымъ «дефицитомъ», а поверху шкафовъ стояли въ двѣ шеренги разнообразныя бутылки съ алкоголемъ. На одномъ шкафу имѣлась приставная полка – и алкоголь стоялъ двумя ярусами: верхній занимали тѣмныя бутылки всякаго виски, а пониже выстроились прозрачныя бутылки изъ-подъ водки, въ которыхъ, какъ пояснила Марія, отецъ ея на водкѣ выдерживаль рябину. Да это было видно и такъ.

Марія взяла одну бутылку рябиновки, не замѣтивъ взгляда Салабина, изучавшаго коллекцію виски, и поручила ему вытащить винную пробку, пока она сходитъ за рюмками. Съ рюмками она вернулась, прежде чѣмъ онъ справился со своей задачей, и наблюдала, смѣясь, какъ онъ пытался, то пальцами, то зубами, вытащить торчавшую винную пробку изъ водочной бутылки.

Открыть виски смогъ бы и ребѣнокъ, но въ томъ и состояло коварство женщины. Либо виски находилось на строгомъ учѣтѣ.

Наконецъ пробка поддалась усиліямъ Салабина – распитіемъ рябиновки начался и ея распитіемъ закончился позоръ. Они пили и говорили, говорили и разговаривали, а онъ всё раздумываль, говорить ли ей объ ея стихахъ или ждать вопроса въ лобъ. Ждала ли она его мнѣнія или чего иного, то невѣдомо, но позоръ двухъ выпитыхъ рябиновокъ (откуда ни возмись, появился штопоръ!) не вызываль сомнѣнія: о стихахъ и поэзии не прозвучало ни слова. И природѣ онъ тоже не поклонился.

Когда Салабинъ прощался, уходя, они были по-прежнему на «вы» – это ли не позоръ? Марія сказала, что остаётся ночевать въ родительской квартирѣ, и онъ пожелаль ей спокойной ночи.

Къ счастью ли, къ несчастью ли, но алкоголь успѣшно стираетъ мужскую память. А вотъ какъ обстоитъ дѣло съ памятью женской?

Когда сердце Салабина ёкнуло передъ поступленіемъ подъ начало Юрія Матвѣевича и Маріи Голоменовой, это ничего особеннаго ему ещё не сказало.

Ну, ёкнуло – и ёкнуло. Ну, пили рябиновку – и пили. Это же не виски, въ концѣ концовъ. Рябиновка не на учѣтѣ у Тарасыча, вяжущее кислое пойло, нѣ о чемъ говорить. Позоръ-то позоромъ, зато счастливо избѣжалъ продолженія. И остались на «вы». Какъ ни въ чѣмъ не бывало. Ну и поработаемъ подъ одной и той же вывѣской, подумаешь, дѣловъ куча!

Дѣловъ-то куча, и обязанности Маріи и Салабина не соприкасались, и оба вели себя какъ ни въ чѣмъ не бывало, а неудобство при встрѣчахъ Салабинъ ощущаль. Особенно, когда проходилъ мимо «мѣста для куренія», а тамъ стояла съ сигаретой Марія. Курить она стала очень много.

Быль только одинъ проблескъ внѣ служебныхъ отношеній Салабина и Маріи – когда однажды онъ оказался въ ея кабинетѣ, потому что Матвѣевичъ былъ въ отпускѣ. Марія попросила его подать ей «вонъ ту папку», и когда онъ с папкой подходилъ к ней – наискось, отъ стеллажа къ ея спинѣ, начальница въ крутящемся креслѣ сдѣлала полуоборотъ, ея клетчатая миниюбка и колѣни сверкнули, глаза у Салабина вспыхнули, а лицо Маріи просіяло.

Ещё одна напрасная провинность Геннадія Салабина передъ прекрасной половиной человѣчества... А сколько ихъ было!.. И не упомнить. Но всѣ – похожи одна на другую...

Уже при новомъ генеральномъ, однако ещё не уволенномъ за приглашеніе священника, Салабинъ былъ вызванъ къ нему въ кабинетъ.

У генерального были главный по техникѣ безопасности и какой-то смутно знакомый Салабину сѣдоусый американецъ. Обращаясь къ Михаилу, Салабинъ мучительно вспоминаль, гдѣ и когда онъ видѣль этого иностранца. Тѣмъ временемъ разговоръ съ генеральнымъ былъ какимъ-то странно безпредметнымъ...

– Геннадій, это я захотѣль на тебя посмотрѣть! – голосомъ Голоменова вдругъ произнёсъ «американецъ».

– Семёнъ Тарасычъ, ой... Это вы?! А я не узналь!

– Вотъ, услышалъ, что ты тутъ трудишься, захотѣль посмотрѣть, а онъ – своихъ не узнаётъ! Какъ ты тутъ? Доволенъ?

- Слава Богу, не жалуюсь... А мы вѣдь с вами видѣлись въ послѣдній ещё при Советскомъ Союзѣ – въ Роттердамѣ, на борту «Магнитогорска».
- Да, было дѣло, у капитана Смиркина. Ну, рассказывай!..
- О чёмъ?
- Какъ живёшь, съ кѣмъ живёшь... – хохотнулъ Тарасычъ, но сразу поправился: – У тебя вѣдь тоже дочка?
- Дочка тоже, а сынъ отдѣльно.
- И Салабинъ задумался надъ словомъ «тоже».
- Генеральный директоръ и главный по техникѣ безопасности въ разговоръ не вмѣшивались.
- Выглядишь ты неплохо, – сказала Тарасычъ. – И зубы всѣ свои, я вижу.
- Ещё не выбили, – въ тонъ ему отвѣтилъ Салабинъ.
- Да, да, слѣди за собой, – посоветовалъ Тарасычъ.
- А вы-то какъ, Семёнъ Тарасовичъ?
- А я у голландцевъ пенсію заработалъ, тамъ съ женой и сидимъ. Кстати, скоро Смиркинъ Борисъ Михайловичъ прилетаетъ, потому я здѣсь.
- Встрѣча друзей – это хорошо. Радъ былъ васъ увидѣть, Семёнъ Тарасовичъ.
- Ну, добро. Ступай, служи, Геннадій.

Никогда преждѣ такъ ласково съ нимъ Тарасычъ не разговаривалъ.

* * *

Въ это самое время Салабинъ собрался въ отпускъ – и подалъ ужъ было заявленіе. Хотѣлось обдумать на досугѣ, какъ дальше быть съ ненаглядной Ириной. Но Михаилъ, генеральный директоръ, отвѣлъ въ сторону глаза и предложилъ отдать заявленіе Маріи Голоменной. «Почему?» – вырвалось у Салабина.

– У неѣ спроси, – пожалъ плечами Михаилъ.

Марія пояснила, что отпуска исключаются до тѣхъ поръ, пока не завершится визитъ капитана Смиркина.

«Что они носятъ съ этимъ визитомъ, который даже не начался?» – подумалось Геннадію.

Прибывшій Борисъ Анатольевичъ Смиркинъ два дня проводилъ собесѣдованія съ ведущими и рядовыми сотрудниками, почти каждую бесѣду начиная одной и той же фразой: «Конкуренція въ бизнесъ – вещь жестокая, поэтому...». На третій день былъ обнародованъ приказъ, которымъ увольнялся генеральный директоръ Михаилъ и сокращались должности четырёхъ сотрудниковъ – Салабина въ томъ числѣ.

Другимъ приказомъ Марія Голоменова назначалась генеральнымъ директоромъ ЗАО «Водо-Меркуръ».

* * *

Всѣ контакты Салабина съ Ириной оборвались, а самъ онъ сталъ безработнымъ. Finita la commedia. Дважды въ мѣсяцъ онъ посѣщаль службу занятости, ради копеечнаго пособія, зато каждый день прочёсывалъ сайты вакансій: какъ преподаватель, какъ логистъ морскихъ перевозокъ и, наконецъ, пересталъ гнушаться сообщениями объ администраторахъ торговаго зала или даже домашнихъ гувернёрахъ.

Однако тѣсный міръ связей на морскомъ транспортѣ выручилъ его опять: шапочные знакомые по пароходству, бывшіе партійные инструкторы Саша и Вова взяли Салабина за 300 долларовъ въ мѣсяцъ къ себѣ въ фирму на Канонерскомъ островѣ. Въ этой фирмочкѣ подъ названіемъ «Міробалтъ» Салабинъ отвѣчалъ за обезпеченіе загрузки судовъ и съ этой цѣлью вѣлъ обширную переписку съ російскими и зарубежными отправителями грузовъ. Черезъ три мѣсяца Саша объявилъ Салабину, что онъ выдержалъ испытательный срокъ и его зарплата повышается до 400 долларовъ, но расчёты Салабина показывали, что онъ ещё очень не скоро справится съ долгами, возникшими при покупкѣ и ремонтѣ квартиры. А болѣе половины долговъ составлялъ драконовскій кредитъ изъ банка.

Ещё одинъ знакомый по пароходству, душевный человекъ Джафаръ, работалъ въ «Міробалтъ» съ Салабинымъ рядомъ. Душевность Джафара обнаружилась давно, ещё въ бытность Салабиныхъ

обитателями коммуналки. Узнавъ обь этихъ обстоятельствахъ Салабина, Джафаръ пригласилъ его Марусю къ себѣ въ пригородное имѣніе, гдѣ она провела полтора лѣтнихъ мѣсяца въ обществѣ дочки Джафара – Діаны.

Теперь Джафаръ, опять сослуживецъ Салабина, спросилъ, не поѣхаль ли бы Геннадій поработать въ русскоязычную компанію въ Турціи: «Что тебѣ тутъ сидѣть на этихъ копейкахъ?»

Но въ Турціи тьма-тьмушая туроць – и что тамъ дѣлаетъ русскоязычная компанія? А если рыбу ловить – то въ мутной водѣ. Но главный доводъ противъ – это обиліе туроць, минаретовъ, муэдзиновъ. Пребывая въ этомъ предубѣжденіи, Салабинъ отказался.

Въ концѣ перваго года работы Салабина въ «Міробалтѣ» Сашу и Вову навѣстилъ ихъ общій съ Салабинымъ товарищъ по пароходству, давно потерявшійся изъ вида Александръ Калашниковъ. Но это изъ вида Салабина онъ потерялся; справедливо сказать иначе: это Салабинъ было потерялся, а въ сферѣ морского флота и логистики связи прочны какъ нигдѣ.

– А ты гдѣ пропадалъ? – спросилъ Калашниковъ Салабина.

Тотъ рассказалъ о своѣмъ бѣгствѣ изъ Интерклуба и отъ Кацкуна, о репетиторствѣ, преподавательствѣ и прочемъ.

Калашниковъ сказалъ, что работаетъ въ Стамбулѣ въ семейной пароходной компаніи изъ гражданъ Украины и Россіи (но членовъ одной семьи), гдѣ ведѣтъ всю фрахтовую работу.

– Это линія или трампъ? – спросилъ Салабинъ.

– Только трампъ. Навалочники.

Салабинъ зналъ, что корни Калашникова по отцу – донецкіе, поэтому рѣшили, что Калашниковъ имѣетъ свою долю въ семейной компаніи. Обѣ исторіи, Джафара и Калашникова, касались Турціи, но въ сознаніи Салабина они куда-то провалились по отдѣльности: Джафаръ – Турція – турки – муэдзины... и Калашниковъ – Стамбулъ – семейный бизнесъ – навалочники... Тутъ причина не въ плохомъ знаніи географіи, а въ ошибкѣ воображенія.

Но оба раза – Турція. Хотя теперь – конкретно Стамбулъ...

По словамъ Калашникова, семья нуждается въ специалистѣхъ уровня Салабина, и стоитъ лишь Салабину захотѣть...

Онъ тогда снова отказался; потомъ они съ Марусей перезимовали первую зиму въ отдѣльной, «убитой» квартирѣ, Ростиславъ сталъ учиться заочно въ университетѣ МВД – и Салабинъ впервые задумался о предложеніяхъ «съ турецкимъ подтекстомъ» и какъ бы онъ теперь отвѣтилъ на нихъ: вѣдь Маруся уже восьмиклассница...

Но и совсѣмъ перестать видѣть Ирину Анатольевну онъ не могъ.

Салабинъ помнилъ о томъ, что оставилъ у Ирины аудіокассеты съ любимыми пѣснями, съ очень давно любимыми и съ уже не слишкомъ любимыми... Онъ рѣшилъ, что это – кстати: какъ самый распослѣдній предлогъ, чтобы ещё увидѣться съ ней. Неприкосновенный запасъ. У него уже была телефонная приставка, опредѣляющая, съ какого номера поступаетъ звонокъ, но табло ни разу не сказало ему, что есть о чѣмъ побезпокоиться. Онъ это моталъ на усъ – и самъ тоже не звонилъ. Этакая дѣтская игра взрослого мужчины.

Промозглой осѣнью, дождливымъ донельзя октябрѣмъ, онъ среди ночи получилъ звонокъ съ неизвѣстнаго номера; въ трубкѣ звучали рыданія, истерическіе женскіе крики – и на этомъ фонѣ взволнованный голосъ Ирины:

– Гена, подожди... Леночка, милая, успокойся, всё пройдетъ!.. Пойдѣмъ, пойдѣмъ!.. («Мерзавецъ! – сквозь рыданія пробивались чужія слова. – Выпилъ мою кровь! Ииііі!»)

– Гена, можешь приѣхать забрать меня (она назвала адрес)? Я тутъ Ленку Хачиянъ въ чувство привожу...

Ирина объяснила, съ какого конца подѣзжать, чтобы имъ не разминуться.

Салабинъ вызвалъ такси и черезъ полчаса усадилъ въ машину молчаливую, подавленную Иру. Она сидѣла рядомъ, но не дѣлала попытокъ придвинуться, да и онъ не искалъ ея руки. За десять шаговъ до такси она сказала только, что Ленку бросилъ мужъ Хачиянъ и у той климактерическій кризь.

У ея дома они отпустили такси – и это было неправильнымъ рѣшеніемъ. Досадуя на эту общую ихъ оплошность, Ирина оставалась холодной, какъ холмикъ творога подъ сметаной. Выйдя изъ ван-

ной, она молча указала ему на широкое ложе в «родительской» спальне и, не снимая халатика, укрылась отдельно, отвернувшись на своём краю.

Через пять минут они повздорили, Салабин в лихорадке оделся и ушёл не попрощавшись.

Под злым дождём он по будущей улице Фёдора Углова прошёл пешком от метро «Звёздной» до «Московской» – и тут метро уже открылось.

Молод ещё он был – даже не простудился.

* * *

Как они встретили очередной Новый Год, Ирина и Салабин друг о друге не знали. Но у него оставался в запасе вопрос об аудиокассетах, стремительно устаревающим способе хранения звукозаписей. Ему становилось уже ясно, что... Ясно – что? Даже думать не хотелось. Он ухватить готов был хоть в Турцию. Эту тему они обсудили с Марусей. Её глаза, мудрые с младенчества, не обманули его надежды: она была девочка разсудительная и, больше того, умная.

Салабин даже подозревал, что ей хорошо видны все отцовские глупости.

Последнюю глупость он совершил уже в мае месяца, когда задал Ирине по телефону вопрос, цыли ли его аудиокассеты.

– Ес-тест-венно! – с металлом в голосе ответила Ирина.

Этот вопрос был его предпоследней глупостью. А последней оказался их встреча и передача никому не нужных кассет. Получив из рук Ирины маленькую пакетику, он собрался было идти, но она его остановила:

– А пообщаться?

И повела его к скамье у фонтана перед «Домом Советов».

Там она рассказала, что её мама очень болтает, а Сергей ускоренно спивается, и сообщила множество бытовых мелочей о людях, так или иначе мелькнувших на их общем горизонте. Та девушка, или женщина, подруга дальнбойщика Андрея (у которой мы пили “Boussac”, догадался Салабин), уже давно не с Андреем и живёт в Австрии... И вообще.

Салабин слушал её и дрожал – то ли внутренне, то ли внешне, то ли то и другое вместе.

Когда они расстались, он чувствовал, что ему надолго хватит этого трепета.

Телефонная приставка-опредлитель всё же пригодилась. В июле месяца Салабин с дочкой вернулись домой после нескольких недель отсутствия – и Геннадий увидл на табло ночной звонок Ирины, оставшийся, конечно, без ответа.

По мелкому злорадному чувству, мелькнувшему в душе, он понял, что уже свободен от своей ненаглядной. Она по-прежнему – ненаглядная, да. Но он восхитительно свободен. Хоть в Турцию! С дочкой согласовано. И он сказал себе: если в третий раз предложить – соглашусь.

* * *

Постепенно у Салабина складывалось подозрение о том, что причинно-следственные связи мира складываются в такую многомерную, многовекторную «матрёшку», когда причина для всякого мелкого события вписана в причину крупного – в такое божественное программное обеспечение Истории, где только надо часть слова «много» заменить на приставку «мега-мега»: мега-мега-векторные причинные связи.

Когда Америка, используя подставленных ею арабов, взорвала свои башни-близнецы на Манхэттен, то она преследовала далеко идущую глобальную цель; но даже люди, прочитавшие мотивацию этого злодеяния, вынужденно выражали Штатам солидарность и соболезнования. Конечно, по большому смыслу, в этих выражениях были также соболезнования семьям тех простых непосвящённых в тайну беззакония, что выбрасывались из окон объятых пламенем небоскрёбов. Но взрывы продолжили священную традицию американской глобальной политики: Пирль-Харбора, Тонкинского залива, испанской войны и других подобных постановок.

Специалисты напрасно в своих книгах, интервью и докладах сообщали, что конструкционная сталь каркаса небоскрёба – да и всякая сталь! – не может расплавиться или обвалиться при температур горящего керосина; спецы по ювелирному сносу небоскрёбов среди плотной застройки говорили, что именно так, технологично – и были обрушены башни-близнецы, а люди утверж-

дали, что слышали хлопки взрывовъ въ обречённыхъ и незадолго передъ этимъ застрахованныхъ на баснословную сумму небескрёбахъ. Наконецъ, около четырёхъ тысячъ посвящённыхъ сотрудниковъ банковъ, спецслужбъ, рекламныхъ агентствъ и страховыхъ обществъ, гражданъ Израиля и США, не вышли въ этотъ день на работу, накануне отпросившись. Среди нихъ былъ и сынъ выдающагося непримиримаго борца за правду и справедливость, російскаго лѣвозащитника Сергѣя Адамыча Ковалёва. Но разоблачители этого кровавого спектакля вопіяли въ пустынь, они не владѣли широкими средствами распространения информации. Официальная версія произошедшаго подавила всѣ честныя мнѣнія специалистовъ.

Что и требовалось Штатамъ для развязанія рукъ. Они приступили къ погруженію въ хаосъ полудюжины нефтеносныхъ государствъ, а всѣмъ безъ исключенія государствамъ навязали систему драконовскихъ мѣръ «обезпеченія безопасности» на сушѣ, въ воздухѣ и на морѣ, приведшихъ къ удорожанію всѣхъ видовъ хозяйственной, военной и культурной дѣятельности человѣка на Землѣ. Авторитетъ специализированныхъ организацій ООН освятилъ эти мѣры. Для морской дѣятельности такой организаціей была и есть ИМО – «Международная Морская Организація» съ штабъ-квартирой въ Лондонѣ. Всѣ процедуры обезпеченія безопасности на морѣ, всѣ инструкции и требованія были ужесточены, предѣльный жизненный срокъ морскихъ судовъ былъ сокращёнъ, а старые суда допустимаго возраста подвергались въ портахъ набѣгамъ «международныхъ инспекторовъ», имѣвшихъ полномочія задерживать суда «до устраненія всѣхъ несоотвѣтствій».

Несоотвѣтствій чего чему? Состоянія судна, его механизмовъ и экипажа требованіямъ «Международнаго кодекса управления безопасностью» (МКУБ).

Небогатая страна справедливо усмотрѣли въ новомъ международномъ законодательствѣ орудіе конкурентной борьбы для изгнанія съ рынка флотовъ небогатыхъ государствъ. Каждая судоходная компанія обязывалась учредить въ своёмъ составѣ должность «назначеннаго лица по управленію безопасностью компаніи», аналогично нагрузить одного изъ офицеровъ въ каждомъ экипажѣ, то же самое долженъ былъ сдѣлать каждый портъ. Всѣ это обставлялось возрастаніемъ отчётной, тренировочной, учебной документациі въ нѣсколько разъ и требованіемъ къ каждому судну, выходящему въ море, имѣть на борту официально издаваемую въ ИМО нормативную литературу: международные акты, договора, кодексы, резолюціи и конвенціи, что обходилось судовладельцу въ немалыя траты. Не всякій румынъ или турокъ могъ себѣ это позволить. Но голь на выдумки хитра: турки и румыны наладили собственное переизданіе нормативныхъ документовъ, а Лондонъ съ Вашингтономъ предпочли смотрѣть на это сквозь пальцы.

Самымъ неприятнымъ для экипажей была необходимость заполнять уйму бланковъ отчётовъ и деклараций: не хватало времени, чтобы голову поднять во имя той самой безопасности.

Александръ Калашниковъ не пріѣхалъ въ Петроградъ, въ «Міробалтъ», а позвонилъ по телефону – и даже не въ «Міробалтъ», а Салабину на домъ. Въ этотъ разъ онъ былъ конкретенъ: поскольку Международный кодексъ по управленію безопасностью – это море-окиянь документовъ на англійскомъ, а ты, Гена, у насъ и «англичанинъ», и замѣтно оморочился, то прекращай валять дурака – и... Короче, на слѣдующей недѣлѣ мой начальникъ Анатолій Андреевичъ Лосевъ будетъ въ Питерѣ и тебѣ позвонитъ. Да, домой позвонитъ, «Міробалту» знать это незачѣмъ. Ситуація слѣдующая: если вы договоритесь (а почему бы вамъ не договориться, а?!), то фирма оплачиваетъ твоё обученіе по МКУБ на двухмѣсячныхъ спецкурсахъ въ Макаровкѣ, послѣ чего ты прилетаешь сюда. Компанія предоставляетъ жильё, до работы – 10 минутъ пѣшкомъ, мимо мово дома. А? Классъ? А то!..

Анатолій Андреевичъ позвонилъ въ среду, описалъ свою внѣшность – и назначилъ встрѣчу на площади Искусствъ у памятника Пушкину. Ихъ бесѣда съ Салабинымъ продолжалась пятнадцать минутъ. Лосевъ, невысокій крѣпышъ 35 лѣтъ, явно южанинъ, рассказалъ объ исторіи компаніи, о численности флота и берегового штата, и задалъ вопросъ: сколько получаетъ Салабинъ въ «Міробалтъ». – Четыреста долларей, – сказала Салабинъ.

– Будете у насъ имѣть полторы тысячи, – сказала ему Лосевъ. – Есть работники, кто получаетъ у насъ больше, кто меньше... Это нормально. Сейчасъ переведёмъ деньги въ академію за ваше обученіе, курсъ начинается съ понедѣльника, а съ апреля вы приступите у насъ. Такъ что подавайте заявленіе объ уходѣ.

И пошѣль Салабинъ учиться въ Морскую Академію на ускоренные спеціальные курсы – какъ стипендіатъ стамбульской компаніи «Азовъ Интернэшналь». Калашниковъ посовѣтоваль ему посѣтить предварительно нѣкую фирмешку рядомъ съ бывшимъ пароходствомъ – разработчика всѣй-всѣй документаціи МКУБ для «Азова Интернэшналь». Тамъ его просвѣтитъ, поощритъ и наподобитъ Авеналій Даміановичъ, чистый профессоръ въ этомъ дѣлѣ, бывший сотрудникъ Регистра, «а можетъ – и дѣйствующій», какъ добавиль Калашниковъ, – «чѣртъ его знаетъ».

«Профессоръ» запомнилъ Салабину не столько именемъ и отчествомъ, какъ дружелюбнымъ краснорѣчіемъ по темѣ, съ которой пришѣль къ нему посѣтитель: его рѣчь напоминала пѣніе задушевной пѣсни – съ такой готовностью и радостью слетали у него изъ усть термины, названія конвенцій, резолюцій, даты конференцій и пересмотра кодексовъ. Даже новоиспечѣнный титулы «назначеннаго лица компаніи» и «назначеннаго лица на борту» слетали съ его сѣрыхъ губъ, что по-русски, что по-английски, точно живые природные птицы нашихъ широтъ. Салабинъ тарачился во всѣ глаза, словно передъ нимъ сидѣль нѣкій алгоритмъ въ человѣческомъ обликѣ.

Авеналій Даміановичъ съ удовольствіемъ записаль полное имя Салабина, чтобы внести его во всѣ формы, бланки и титульные листы разрабатываемой для «Азова И'т'ль» документаціи. (Ея впослѣдствіи оказалось пять томов-папокъ по три килограмма каждая. К счастью, везти это всё Салабину не пришлось, ихъ распечатали съ дисковъ уже въ Стамбулѣ.)

Чужбина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Побѣдой прославлено имя твое:
Твой щитъ на вратахъ Цареграда...

*А.С. Пушкинъ.
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*

Воскресной ночью въ турецкомъ аэропорту Константинополя Салабина встрѣтилъ Калашниковъ, они сѣли въ служебную машину и турок-водитель помчалъ ихъ надъ моремъ огней мегаполиса черезъ Босфоръ на восточный берегъ – въ Июскюдаръ. Константинополь остался въ Европѣ, а прибыли они въ Малую Азію.

Первые нѣсколько недѣль Салабину предстояло жить у Калашникова: жена его гостила у дочки во французскомъ Лангедокѣ, и подбирать квартиру для Салабина пока не торопились.

Калашниковъ извлѣкъ изъ холодильника литровую бутылку водки и нѣкую закуску: маслины, брынзу, овощи; Салабинъ распаковаль заказанные Калашниковымъ чѣрный хлѣбъ и русскую колбасу... Началось ночное пиршество съ бесѣдой о непосредственномъ будущемъ. Калашниковъ началъ съ поздравленія Салабину: ты теперь, стало быть, трудовой эмигрантъ; живи по-новому и думай по-новому. Жизнь у тебя теперь другая! Ну, давай за успѣхъ!..

Салабинъ долго не засыпаль въ эту ночь, находясь между явью и сномъ. Онъ ещё не видѣль ни Стамбула – ни Константинополя, и будто грезиль Цареградомъ, въ которомъ прятались отъ русскихъ княжескихъ дружинъ изнѣженные византійцы. Наслѣдники воинской славы русовъ, они же – наслѣдники вѣры византійцевъ-ромеевъ, потомъ опять стояли у стѣнъ Цареграда въ 1877 году – и турки, владѣвшіе Константинополемъ болѣе четырёхъ вѣковъ, уже застелили улицы и площади коврами для пріёма русской кавалеріи и пѣхоты, но... наглый блефъ британской короны, вкупѣ съ шѣпотомъ тайныхъ агентовъ Британіи, напугали Александра II, и русскіе полки были остановлены. Кавалергарды, гусары и артиллеристы посѣщали Стамбулъ открыто, но малыми группами – въ партикулярномъ платьѣ, съ постными лицами и стыдливой толерантностью во взорѣ. Придя потомъ въ хладнокровный разумъ, царь Александръ Второй не могъ всю жизнь себѣ этого простить.

Марусенька, привет!

Долетел я хорошо и разместился тоже хорошо: у старого товарища по пароходству. Скоро подберём квартиру, где буду жить. Высылаю тебе фото моего рабочего места.

Здесь всё цветёт, вид неописуемый, много диковинных растений, цветовъ, деревьев. С высокого холма, как иду на работу, вижу корабли на Босфоре – а на холме пасутся овцы. Как обзаведусь цифровой камерой, смогу тебе присылать интересные снимки. Привет Ростикю.

Жду твоих писем. Целую, папа.

Дѣйствительно, новая жизнь началась. На родинѣ былъ уже новый президентъ (прости, Отчизна, такое слово!), а Салабинъ окунулся въ море новыхъ впечатлений: люди, деревья, зданія, солнце, погода, обязанности, отношенія...

Большая семья Лобаченко происходила изъ Мариуполя, гдѣ папа Лобаченко отхватилъ, при распродажѣ пароходства, семь навалочныхъ судовъ грузоподъемностью по одиннадцати-пятнадцати тысячъ тоннъ; въ то же время старшій сынъ Лобаченко былъ флотскій офицеръ Россіи и ушѣлъ въ запасъ съ должности начальника военныхъ сообщений въ Таганрогѣ. А донецкій Анатолій Лосевъ былъ зятемъ папы Лобаченко и непосредственнымъ начальникомъ Калашникова и Салабина.

Ещё были наёмные спеціалисты изъ дунайскаго Измаила и даже одинъ человекъ изъ Новороссійска – дальній родственникъ семьи, судовой инженеръ-механикъ Гринда Ярославъ Филипповичъ, гражданинъ РФ, но галиційскихъ корней. Зато не было никого изъ Одессы и говорили всѣ чисто по-русски, развѣ что съ турками общались на худомъ англійскомъ.

О томъ, что англійскій – и у самихъ англичанъ худой, Салабинъ ещё не догадывался, несмотря на пятнадцать лѣтъ работы въ Минморфлотѣ; иначе бы не согласился на эту работу, невзирая на свои долги. Потому что предстояла работа съ казуистическимъ варіантомъ англійскаго языка въ объёмѣ пяти трѣхкилограммовыхъ папокъ.

Но... пока судъ да дѣло, старый Лобаченко усадилъ Салабина переводить съ испанскаго техническія руководства къ недавно купленному въ Испаніи теплоходу-десятилѣткѣ. Салабинъ и самъ не понялъ, гдѣ онъ успѣлъ проболтаться, что изучалъ испанскій при содѣйствіи однокурсниковъ-кубинцевъ; потомъ сообразилъ, что его давно разрекламировала Калашниковъ... А вѣдь не посѣтилъ ещё Геннадій ни одного судна, за которыя ему отвѣчать предстоитъ. Первымъ придеть на рейдовую стоянку «Бельмопанъ», за нимъ на подходѣ «Белизъ Риверъ», а недавнюю покупку нарекли «Турнеффе Айлендъ»'омъ – любопытныя всё названія, потому что флотъ этой семьи ходитъ (между Украиной и Средиземноморьемъ) подъ флагомъ Белиза. Белизъ – это бывшая британская колонія между Гватемалой и Гондурасомъ, и налоги тамъ меньше, чѣмъ на Украинѣ или въ Турціи.

Салабину вручили сотовый телефонъ – и онъ внёсъ въ его память, кромѣ начальниковъ, также тѣхъ, съ кѣмъ предстоитъ посѣщать – днёмъ ли, ночью ли – пароходы на рейдѣ въ Мраморномъ морѣ: съ наладчикомъ электроннаго и радіо-оборудованія Сергѣемъ Волковымъ, съ завѣдующимъ матеріальной частью Миколой Марченко и отвѣтственнымъ за судовую механическую службу Гриндой Ярославомъ Филипповичемъ. (Вскорѣ выяснилось, что этотъ послѣдній по ночамъ изъ дому не отлучается.)

А розы въ Турціи не пахнут! Сообщилъ объ этомъ Калашниковъ, а Салабинъ провѣрилъ. Зато на дорогахъ, на раздѣлительной полосѣ, полно олеандровъ; а въ садикахъ у домовъ Салабинъ впервые познакомился съ гортензеей и съ кустами «буль-де-нѣжъ» – по-французски это буквально круглый комочекъ снѣга – они цвѣтутъ сначала бледнозелеными шарами, которые потомъ превращаются въ «снѣжки». Насчѣтъ буль-де-нѣжа просвѣтила его жена Ярослава Гринды, Таисия.

Робочій день починається в дев'ять, закінчується в дев'ятнадцять тридцять; проходить онь, якщо не трапляється вихід, за комп'ютером – в сидячому положенні. По цій причині Салабін уже через місяць відчує, що постаріє на півроку.

По поверненні жінки Калашнікова Салабін переселився в «маневренний житловий фонд» – в квартиру для приїжджаючих командированих з Маріуполя або Росії, чьє скромне положення дозволяє не селити їх в готель. Зато таких холостяків може бути в «кубрик» двоє, а то і троє. Поки що Салабін зде один; кь тому же, тьфу-тьфу, она оплачується фірмою, а не обитателями.

Зато кождою п'ятницю хазяева работникамь выкатывают праздник («съ п'сней», какь десятиники в некрасовской поэмь бочку водки): кь восемнадцати часамь накрывают стол в кухн'столовой и выставляют накопленные запасы – бычки из Бердянска, водку из Маріуполя, вино из Бургаса, нарезают колбасу из Таганрога, овощи с ближней лавки... Пятница – день сокращённый; турки – кто домой, кто в молельную комнату или в мечеть, а украинорусы – за стол; в'дь п'ятница в мусульманской стран' – кажется, праздник. Да и не кажется, на самомь д'ль такь.

Старый Лобаченко, массивной глыбой во глав' стола, изрекаеть сентенции, оглашаеть критику в адресь отсутствующих (кто в от'зд'е, в отпуск' или в мор'е), д'лится воспоминаниями либо хвалится внуками (т' учатся в Лондон'е), зато уходит онь минуть через сорок, оставляя сына, бывшего флотского офицера, – и младший Лобаченко, тоже крупнопородный дылда, но не тёмнокожий, какь папа, а с бл'днымь одутловатымь лицомь, разыгрываеть из себя рубаху-парня, знаменуя см'ну застольного режима.

Ещё около часа празднующие отводять душу посл' тощей нед'ли столованія за фирменный сч'т. Измаильская пара Оля и Юра Кравченко на нед'ль часто приглашають Салабина кь себ' за стол, снисходя кь его холостому состоянію, и Оля потчуеть Геннадія домашнимь борщомь.

Наговорившись и насытившись, мужчины идут на балконь курить, а женщины убирают со стола и приводят кухню в порядок. Салабін стоит среди курящихь, втихомолку балагурящихь мужчинь и разглядываеть мраморныя ст'ны балкона и такие же балконы по периметру сада. Некурящий Гринда тоже балагурить, притормаживая свой раскатистый хохот; турки-сос'ди жаловались уже на «этихь русскихь», нарушающихь покой священной п'ятницы.

У православныхь п'ятница священна какь день поста, говорить себ' Салабін, – и остерегается думать дал'е...

Друзьямь и знакомымь на родин' Салабін откровенно раз'яснял, что роль его в систем' МКУБ и сама система МКУБ – это чисто формальные моменты, инструменты США в борьбе за гегемонию. Гордиться ему туть неч'мь. Подь предлогомь борьбы сь «международнымь терроризмомь» Штаты станут нев'сть что себ' позволять – да уже позволяют!.. И на флот', и вь геополитик'. Назначенное лицо компаниі по управленію безопасностью МКУБ и онь же – старший офицер компаниі по охран'. Вез'т мн' сь должностями, думаеть Салабін. Хотя safety management и security control – понятия близкия, но документация различная; какь говорять в Одесс' – два разныхь геморроя.

Отправляясь на судно проводить внутренній аудит по МКУБ/по охран', Салабін много чего должен (вамь, читатель, это читать не обязательно): пров'рить, ограждены ли на борту вс' запретныя для постороннихь пространства предупредительными лентами; должень добиться, чтобы вахтенный/дневальный, зная Салабина в лицо, не пропускаль его дальше верхней площадки трапа, а докладываль капитану какь положено, посл' чего провожаль бы пос'тителя до назначенію, не выпуская его из виду. Назначенное лицо обязано проводить на борту внезапныя пров'рки и учебныя тревоги сь обязательнымь ихь документированіемь: работаеть ли кнопка радиосигнала б'дствия (недавно в испанскомь порту не сработала подь рукой инспектора – и судно потеряло двое суток, устраняя неисправность и ожидая прибытія новаго инспектора, чтобы результать предъявить)... А комплектно ли снабженіе спасательныхь шлюпокь? А не просрочены ли огнетушители?! – и соотв'тствують ли?.. А того ли цв'та маркировка?! И – соблюдены ли сроки испытаній механизмовь; и знаеть ли первый встр'чный члень экипажа, куда ему являться по сиг-

налу общесудовой тревоги; способен ли он ответить на вопрос, который задан по-английски (неспособных упрятать подальше!) и т.д. и т.п.

Глобалисты и якобы анти-террористы готовы превратить бѣлый свѣтъ въ общемировой дурдомъ.

А сыграть шлюпочную тревогу! – съ опусканіемъ шлюпки до уровня воды и обратнымъ поднятіемъ – и съ хронометражемъ дѣйствій членовъ экипажа.

Спуститься въ машинное отдѣленіе, поздороваться съ стармехомъ и послушать шумъ главнаго двигателя (со вниманіемъ на лицѣ, а то и съ сочувствіемъ).

Провѣрить на мостикѣ нормативную библиотечку и пополнить её новыми резолюціями ИМО (отсутствіе оныхъ въ дорогомъ европейскомъ порту грозитъ судовладѣльцу задержаніемъ и непредвидѣнными расходами).

Осуществить, по необходимости, передачу дорогого газоанализатора съ борта А на бортъ Б, поскольку первый идётъ въ родной Мариуполь грузиться углѣмъ, а второй уже съ грузомъ угля идётъ въ недружелюбный портъ.

Въ случаѣ посѣщенія прибывшаго судна единолично, безъ начхоза, принять отъ капитана всѣ дружескія передачи изъ Мариуполя, Бердянска или, паче чаянія, Ильичѣвска, – и доставить ихъ въ контору.

Всѣ это выполнивъ, какъ и прочее, что было запланировано, можно съ чистой совѣстью принять приглашеніе капитана и отобѣдать вѣстѣ съ экипажемъ, либо отужинать.

А вѣдъ посѣщенія судна на рейдѣ – совѣмъ не то, что у причала гдѣ-нибудь въ Тузлѣ или въ Каргалѣ: надо карабкаться по отвѣсному штормъ-трапу – верѣвочной лестницѣ съ деревянными перекладинами – на высотѣ четырёхэтажнаго дома надъ уровнемъ моря, съ сумкой черезъ плечо, – а эта желѣзная стѣна, бортъ навалочника, колеблется у тебя передъ носомъ и подъ напряжёнными руками... Да и слово *штормъ-трапъ*, само по себѣ, звучитъ обѣщающе.

Исполненіе дѣтской мечты Салабина было уже близко.

* * *

СССР сталъ сверхдержавой не потому, что его руководство было лучше другихъ, а потому, что оперался на мировое идейно-политическое движеніе – именно на то, что своими дѣйствіями разрушили Горбачѣвъ и Ельцинъ.

Теперь же Путин добивается одного – только роста рыночной экономики.

Йоргосъ Деластикъ, блогеръ, Греція (2001)

...И началась чехарда патриотическихъ партій, худо-бѣдно существующихъ въ интернетѣ и стукающихся къ сердцамъ черезъ подписныя разсылки по электронной почтѣ. Честные профессионалы въ различныхъ отрасляхъ, «пока сердца для чести живы», торопились стать спасителями Отечества отъ чужероднаго нашествія безжалостныхъ насѣкомыхъ. Горящіе любовью къ чаемому будущему, они натыкались на ледяной параграфъ законодательства и скоро получали отказъ въ «законной» регистраціи, что было неудивительно, – ввиду того не особо скрываемаго мнѣнія этой партіи, что власть въ Отецествѣ незаконно захвачена съ такого-то (1917, 1953, 1991, 1993 или 1997) года.

Получивъ такое непризнаніе со стороны властей, партія либо тлѣла ещё нѣсколько лѣтъ (мѣсяцевъ), либо разсыпалась, пополняя своими осколками новую партію или движеніе, съ такой же судьбой.

Авторы статей на «Русскомъ небѣ», жители разныхъ областей Руси великой, очень скоро смѣнили недоумѣніе по поводу юркаго президента-изъ-табакерки на жѣсткую оппозицію ему. Несмотря на пристальное вниманіе къ столь высоко взлетѣвшей фигурѣ, не всѣ дѣянія его оставались замѣченными по достоинству. Всѣмъ запомнилось, какъ безстрашно прокатился новоизбранный въ военномъ истребительѣ подъ небесами. «Это вамъ не пьяница Ельцинъ!» – ликовали за кружкой пива или дома за кружкой чая. Но мало кто обратилъ вниманіе, съ какой скоростью даровалъ новоизбранный россійское гражданство гражданину міра Берлу Л. (Узкоязычныя СМИ съ базарной простотой писали: «далъ гражданство» или «присвоилъ...»).

«Дать-то онъ даль, – скрёбъ затылокъ Салабинъ, – а откуда взять?»

И когда уже оказался Салабинъ въ компаниі «Азовъ Интернэшналъ», то не увидѣлъ никакихъ противопоказаній, чтобы не назвать презика-изъ-табакерки «назначеннымъ лицомъ РФ по МКУБ». Никакихъ возраженій противъ этого быть не могло. МКУБ, то бишь Международный кодексъ по управленію безопасностью, былъ созданъ въслѣдствіе провокаціи на Манхэттенѣ.

Такимъ образомъ, Салабинъ былъ назначенъ, пусть и опосредованно, но въ результатѣ провокаціи. А можетъ – и любое назначеніе такимъ же образомъ?.. Другими словами, теперь не женщину ищите, а провокацію.

Къ концу 2000-го года читатели на форумѣ «Русскаго неба» уже всю мечтали объ устраненіи «этого Хлестакова», этого «кровавого клоуна», этого «хабадника, осѣдлавшаго Россію».

Въ «Азовѣ Интернешналъ» мало кто объ этомъ думалъ. Развѣ что Ярославъ Гринда, заявившій Салабину, что съ пришествіемъ молодцеватаго президента онъ пересталъ стыдиться передъ иностранцами своего російскаго гражданства.

– Да что онъ хорошаго сдѣлалъ? – спрашивалъ Гринду Салабинъ.

– Хоть что-то – а дѣлаетъ! И то хорошо! – отвѣчалъ Гринда. – И мнѣ уже не стыдно доставать паспортъ!..

«Изъ широкихъ штанинъ...» – мысленно договаривалъ Салабинъ.

Ну, на то онъ и Гринда замѣчательный, запрещающій склонять по падежамъ свою фамилію. Ему, видите ли, это дѣдъ завѣщалъ: «запомни, внучекъ, щобъ николаы, нидэ не дозволяй наше призывше видминноваты!»

«Но какъ же съ партіями быть?» – спрашиваетъ себя Салабинъ-публицистъ, сидя надъ статьёй, которую завтра въ офисѣ настучитъ на клавишахъ и отправить въ «Русское небо».

По здоровомъ размышленіи, обратившись къ исторіи, онъ хватается перо и призываетъ читателей вспомнить, что полоса непрерывныхъ несчастій Россіи началась возникновеніемъ партій.

* * *

Эта часть Июскюдара называется Алтунизадэ. Домъ на три десятка квартиръ, въ которомъ обитаетъ Салабинъ, называется «Гюнешъ» (Солнце).

Выйдя изъ дому, потомъ – изъ тупика-переулка, онъ спускается по круто пикирующей улочкѣ и пересекаетъ улицу-ложбину съ автомобильнымъ движеніемъ (не иначе какъ дно бывшаго оврага), переходитъ обширный палисадникъ мимо кустовъ граната – и по каменнымъ ступенямъ поднимается на тихую эспланаду, мощёную краснымъ кирпичомъ, уставленную дорогими машинами. Направо – это путь къ зелёному косогору, съ котораго видно Мраморное море (въ письмѣ къ дочкѣ Салабинъ ошибся, назвавъ его Босфоромъ) – и оттуда тропинка къ улочкамъ, по которымъ онъ доходитъ до офиса. Почти вся эспланада идётъ влѣво; въ концѣ ея – ещё одинъ крутой спускъ къ вилламъ и къ торговому центру, тамъ пріемлемыя цѣны. Здѣсь рѣдко увидишь прохожаго, это мѣсто уединённыхъ прогулокъ Салабина. Выйдетъ кто-нибудь, сядетъ за руль – и съ глазъ долой. Зданія напыщенной архитектуры носятъ именныя названія (Анадолу Резиденс, Айчичекъ Резиденс), но ихъ закрываютъ кроны деревьевъ, и Салабинъ чувствуетъ, что онъ одинъ въ благодатной тишинѣ. Сюда не долетаютъ заливыстыя призывы «турецкой оперы» съ отдалённыхъ минаретовъ. Они голосятъ вблизи торговыхъ центровъ, на площадяхъ.

Въ началѣ мая Салабинъ привычно пересекалъ уже знакомый намъ палисадникъ – но остановился какъ вкопанный.

Онъ и прежде видѣлъ здѣсь багрянникъ – растущее кустарникомъ дерево, которое сначала цвѣтётъ и лишь потомъ выпускаетъ округлые листочки. Вымахивать можетъ выше трёхъ этажей, и когда цвѣтётъ – такой «кустъ» во всю улицу, обильно покрытый розово-сиреневымъ цвѣтомъ, безъ листьевъ – кажется чудомъ. Удивительно и то, что его называютъ иудинымъ деревомъ. На какомъ именно деревѣ повѣсился предатель, есть разныя версіи, но имя иудина дерева приросло къ багряннику.

Но здѣсь, сегодня, въ этомъ палисадникѣ, необычность этого вида предстала во всѣй наготѣ. Хозяинъ сада спилилъ крону дерева, ему почему-то мѣшавшую, и оставилъ только столбикъ въ пол-

тора метра высотой. Поражённый Салабинь увидѣль, что верхушка чѣрнаго пня облѣплена, усыпана, облита, словно кремомъ – гущей ярчайшихъ цвѣтковъ. «Никогда бы не подумаль, что подобное цвѣтѣніе возможно!»

Можетъ, въ самомъ дѣлѣ, предатель выбралъ багрянникъ из-за такой его особенности? На днѣ своего паденія искаль хотя бы такого-то утѣшенія...

Научное названіе багрянника – церцись. Но развѣ дѣло въ этомъ?

Скорѣе, дѣло въ томъ, рѣшилъ Салабинь, что багрянникъ существовалъ и до Иуды съ его предательствомъ, и до самой ботаники, и даже, вѣроятно, до грѣхопаденія Евы и Адама. Весь день Салабинь оставался под впечатлѣніемъ отъ увидѣннаго, но выразить его словами онъ бы не смогъ – какъ и забыть его когда-нибудь потомъ.

* * *

Рабочій день позади, густѣютъ сумерки, Салабинь по кратчайшей прямой – черезъ косогорь – возвращается домой. «Дома» теперь ихъ двое; младшій Лобаченко привѣзъ изъ питерской командировки цѣлое сокровище – выпускника «корабелки» Лѣшку Шурикова, приняль его въ штатъ и подселиль къ Геннадію: пока Лѣшкина жена не закончитъ въ Питерѣ ту же корабелку въ слѣдующемъ году.

Но нѣтъ худа безъ добра: этотъ выходець изъ славной, а во время оно – и разбойничьей Казани, оказался такимъ половымъ бандитомъ, что его днями и ночами – особенно ночами – дома не бываетъ. На своёмъ студенческомъ англійскомъ онъ «клеить» турчанокъ въ значныхъ мѣстахъ Константинополя и ночуетъ гдѣ придётся. И быстро освоился въ «Азовѣ»: смекнулъ, что ночной турокъ въ гаражѣ выдаётъ сотрудникамъ ключи безъ согласования съ руководством, и пользуется разгонными тачками по своей неслужебной надобности; незакреплѣнные за родственниками машины всѣ въ гаражѣ – на выборъ. По мосту черезъ Босфоръ – Лѣшка въ Европу, а утромъ – обратно на малоазійскій берегъ, чтобъ на работу поспѣть. Бензинъ въ компании, изъ-за обилія родни, не контролируется. А питерцы Калашниковъ да Салабинь за баранку не садятся, если надо, ихъ Мехметъ или Бюлентъ свезётъ. Во-первыхъ, они не родственники фирмы; во-вторыхъ, улочки въ Юскюдарѣ – чтó американскія горки; въ-третьихъ, навидались уже оба турецкихъ ДТП.

Появленію Лѣхи Шурикова поначалу обрадовался Андрей Николаевичъ, инженеръ-корпусникъ: «Вотъ, ещё одинъ корабель, въ случаѣ чего и меня подмѣнить!» А не тутъ-то было! Вскорѣ махнулъ рукой Андрей: нѣтъ, Лѣшка – что угодно, только не корпусникъ...

Выйдя на эспланаду, Салабинь не сворачиваетъ, какъ обычно, въ палисадникъ – и домой, а хочетъ пройти по эспланадѣ при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца. Миновавъ одну изъ «резиденцій», онъ въ свѣтломъ промежуткѣ между тѣнями домовъ видитъ идущую навстрѣчу женскую фигурку.

Стройная, колеблемая словно бы танцемъ солнечныхъ бликовъ, она шла навстрѣчу такъ же неспѣшно, какъ и онъ. Турчанка? Нѣтъ, не турчанка, рѣшилъ Салабинь. Разстояніе между ними сокращалось неотвратимо, онъ видѣль передъ собой идеаль средиземноморской женской красоты... Итальянка?.. славянка съ береговъ Адриатики?.. гречанка, сицилійка?..

Эти черты затмили бы всѣхъ извѣстныхъ итальянскихъ кинозвѣздъ.

«Если бы я остановился какъ вкопанный – остановилась бы она? А если бы я улыбнулся ей?.. Или сказалъ бы ей что-нибудь, даже по-русски... Она бы сказала на своёмъ языкѣ «не понимаю», и я бы уже зналь, кто она, откуда она, какъ съ ней заговорить...

Но смогъ ли бы я такъ же бесконечно смотрѣть на ея красоту, какъ смотрю на Ирину? Вряд ли».

Успокойся, Салабинь, хватитъ глупостей въ твоей жизни. Её бы въ Питеръ ты не увѣзъ, стало быть – и глупостямъ конецъ.

Онъ оглянулся: дѣвушку давно поглотили сумерки. Свернула, небось, въ какую-то изъ резиденцій – не въ палисадникъ же, за которымъ фруктовая лавка да бѣдныя мебелирашки, сдаваемые внаѣмъ.

Самое романтичное в нелёгкой службе Салабина – ночные посещения судов компании, вставших на рейдовую стоянку в Мраморном море. Пока начало лета, штормов не предвидится, но романтика есть всё равно: в прямом, переносном и в ироническом смысле. Правда, бывает «напряженка», вроде поездки совместно с молодыми людьми из Российского Регистра – по продлению судовых сертификатов. Когда рейдовая стоянка короткая, да ещё ночная, а срок документов истекает, ребятам приходится, хочешь не хочешь, оставлять домашний уют и сон, чтобы трястись на портовском катере битый час, а потом экзаменовать судно, его оборудование, подначивать «назначенное лицо» и ворчать на невознаграждаемые тяготы службы.

Официальное представительство Российского Регистра в Константинополь располагается в Европ на шикарном проспекте и курирует азербайджанских, российских и других судовладельцев, но не «Азов Интернешнл». Флот семьи Лобаченко обеспечивают ребята из «полевого» лагеря в Тузле – это южнее от Юскюдара. Тузлинский пост

развернуть как филиал гамбургского бюро того же Российского Регистра. В такую «дыру» как Тузла стамбульским негоже соваться, а спрос на услуги Регистра, тем не менее, существует. Вот и развернули присланные Гамбургом регистровцы свой модульный офис в двадцатифутовом контейнере с окошками и подобием крылечка.

Но сегодня, то бишь этой ночью, напряженки нет, ночь тиха и быть не предвещает, Салабин идет на борт «Тегусигальпы» (города в Белизе кончились, взяли на учет столицу близлежащего Гондураса) ради галочки, везёт новое издание кодекса по спасательным средствам – но и в качестве тягловой силы по погрузке-выгрузке того, строго говоря, есть контрабанда: незадекларированные запасные части для главного двигателя (это – судно), и малая толика водки отечественного разлива, ржаного хлеба, бердянских бычков в томате, украинской колбасы и прочего редкого для Турции продукта – береговым страдальцам.

Портовые власти и таможня смотрят сквозь пальцы на безобидную рутину этих русских украинцев, в том числе – смотрят и глазами механика-рулевого на турецком катере. Рулевой имбеть свой маленький бакшиш. Власти и таможня имбют свой, соответственно их положению.

Марченко и Волков оставляют свои машины на берегу у «Хайдар-паши», всё спешиваются, и Волков начинает выяснять по телефону, где обрывается заблаговременно заказанный катер. Наконец катер подходит к их стоянке и начинается погрузка: Волков, Кравченко, Салабин. Поднимать на борт «Тегусигальпы» будут уже матросы и мотористы.

В лунном свете добавляет романтики рядом стоя тощих бездомных собак. Днём их никогда не увидишь: они знают, что турки собак не жалуют. Зато кошек – даже любят. Можно где угодно и когда угодно увидеть турка, присевшего на корточки и ласково беседующего с кошкой.

А сотрудникам, посетившим судно ночью, и тем паче – доставившим на кухню «Азова» ожидаемый аппетитный груз, предоставляется право появиться в офисе только к обеду.

Для Кравченко и Волкова – это привычное дело. Но Салабину кажется, что всё они, трое, теперь несут на себе следы лунного света, запах солянки от катера, солёный запах моря и голодные взгляды собак.

